

НЕВИДИМЫЙ ЗОДЧИЙ

Тайная сеть

перестраивает Европу:

от Украины до Латвии,
под маской
антикультизма

сеют хаос
и оправдывают войны.

Шокирующие разоблачения!

ТЕОДОР КЕЙН

Невидимый зодчий

Теодор Кейн

Оглавление

Глава 1. Украина

Глава 2. Латвия — европейская кузница для российских агентов

Глава 3. Пути скрытого проникновения

Глава 4. Трещины в фундаменте Чехии

Глава 5. Ревизия чертежей: почерк Невидимого Зодчего

Источники

В этом доме всё еще пахнет бергамотом и старой бумагой. Его жильцы привычно подносят к губам фарфоровые чашки, обсуждают цвет занавесок и погоду на завтра, не замечая, как за их спинами великий незримый зодчий правит чертежи.

Представьте, что вы живете в доме, который медленно, но уверенно перестраивается. Стены пока еще остаются на месте, но меняется их назначение, перераспределяются функции комнат, по кирпичикам разбирается фундамент, а негласный устав домохозяев переписывается без их ведома. Сегодня Европа подвергается именно такой трансформации. Это тонкая, почти незаметная работа по реформатированию сознания, ценностей и социальных связей. Используется не грубая сила, а тщательно разработанные стратегии, опирающиеся на психологию, социологию, религиоведение. Осуществляется постоянное, едва заметное, но уклонно нарастающее давление, которое меняет структуру общества, переопределяет отношения между людьми, институтами, и даже целыми государствами.

Доверие — это невидимый клей, скрепляющий стены нашего дома. Что происходит, когда этот клей начинает медленно растворяться, когда каждый шов, каждая связь подвергается сомнению, а фундамент, казавшийся незыблемым, начинает крошиться? Мы всё еще пьем чай. Мы всё еще верим в прочность стен. Но чертежи уже изменены, и здание, которое мы называли своим домом, постепенно перестает существовать. Что, если мы еще не замечаем, как привычные ориентиры смещаются, а карта мира, по которой мы привыкли двигаться, незаметно перерисовывается? И главный вопрос в том, сможем ли мы восстановить доверие, пока оно не исчезло окончательно.

Глава 1. Украина

История масштабной агрессии против Украины, приведшая к трагическим событиям современности, уходит корнями не в 2014-й и тем более не в 2022 год. Ее фундамент закладывался десятилетиями в тишине региональных кабинетов, на стыке политтехнологий, религиозного фанатизма и оперативной работы спецслужб. Одной из ключевых точек на этой карте стал промышленный город Запорожье начала 2000-

х годов, а центральной фигурой — Павел Бройде, человек, чей путь от провинциального пиарщика до идейного стратега глубоко эшелонированной агентурной сети стал классическим примером реализации стратегии «мягкой силы», переходящей в жесткий демонтаж государственности. Павел Бройде начал свою карьеру в Запорожье как амбициозный PR-технолог. Однако в отличие от своих коллег, занимавшихся тривиальной рекламой или предвыборными кампаниями местных депутатов, Бройде быстро нащупал более перспективную нишу — «информационную безопасность» в ее специфическом, манипулятивном понимании. Его становление как специалиста по особым поручениям произошло в тесном контакте с правоохранительными органами. Обладая острым умом и отсутствием моральных барьеров, он предложил силовикам уникальный продукт: методологию контроля над общественными настроениями через призму борьбы с «идеологическими угрозами». Под этими угрозами понимались любые структуры, не вписывавшиеся в формирующуюся вертикаль влияния, — от новых религиозных движений до зачатков гражданского общества.

Поворотным моментом, сделавшим антисектантскую повестку более организованной, стала международная конференция в Виннице 8–10 октября 2002 года. Официально мероприятие было посвящено защите общества от «деструктивных культов»; в сообщениях организаторов указано, что конференцию проводили Винницкая епархия Украинской православной церкви и Всеукраинский центр помощи жертвам деструктивных сект «Диалог». В реальности оно послужило «пунктом сборки» для развертывания в Украине сети РАЦИРС (Российской ассоциации центров изучения религий и сект), возглавляемой Александром Дворкиным. Конференция стала площадкой, где сформировались общий язык, сеть контактов и рамка «угрозы», вокруг которой затем развивались региональные инициативы. Павел Бройде в начале 2000-х занимал руководящие позиции, связанные с центром «Диалог», что соответствует его заметной роли в этом поле. Бройде инициировал появление «Всеукраинского апологетического центра» (ВАЦ) имени святителя Иоанна Златоуста. Эта организация, формально действующая под эгидой Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), стала центральным узлом сети. Параллельно в ключевых регионах Юго-Востока разворачиваются филиалы — центры «Диалог» в Днепропетровске, Николаеве, и других городах. На первый взгляд, эти центры занимались просветительской

деятельностью и помощью «жертвам сект», но их истинное предназначение было глубоко законспирировано.

Механизм работы сети Бройде-Дворкина строился на эксплуатации страхов обывателя и чиновника перед «тоталитарными сектами». Под этим ярлыком объединялись любые организации, имевшие западное происхождение или независимые источники финансирования. Использование антикультовой риторики позволяло решать сразу несколько оперативных задач. Во-первых, это был сбор данных. Под видом «мониторинга сектантской активности» сеть аккумулировала огромные массивы информации о лидерах мнений, бизнесменах и чиновниках, имевших неосторожность посещать те или иные религиозные или общественные мероприятия. Во-вторых, это была вербовка. Через центры «Диалог» проходили сотни людей, которых обрабатывали в духе исключительной преданности «каноническим ценностям», что фактически означало лояльность вектору, задаваемому из Москвы. Особое внимание уделялось инфильтрации в МВД. В УПЦ МП эта сеть сформировала мощное крыло влияния, которое вытесняло сторонников автономии церкви, заменяя их функционерами, ориентированными на концепцию «русского мира». Таким образом, к середине 2000-х в Украине была создана уникальная структура: легализованная через церковь, поддержанная силовиками и управляемая профессиональными манипуляторами агентурная сеть, готовая к переходу к активным политическим действиям.

События Оранжевой революции 2004 года стали для антикультовой среды, связанной с Павлом Бройде и Александром Дворкиным, одним из первых крупных политических тестов. Массовый выход людей на улицы Киева в части этой риторики объяснялся не как проявление гражданской воли, а как результат «масштабной психологической операции» и деятельности «западных сект». В тот период в публичном поле действительно усилились попытки описывать протест языком «сект», «зомбирования» и «манипуляций».

Тезис в духе «Майдан — это секта» использовался как ярлык, позволявший представлять протестующих как объект «психотехнологий», а лидеров оппозиции — как адептов или марионеток «тоталитарных культов». Эта концепция стала фундаментом для всей последующей пропагандистской работы сети на десятилетие вперед. Бройде и его команда начали транслировать через подконтрольные СМИ и церковные каналы идею о том, что протестующие находятся под воздействием

«технологий зомбирования», а лидеры оппозиции являются адептами или марионетками «тоталитарных культов». Такая трактовка позволяла не только дискредитировать протест в глазах консервативного населения Востока и Юга Украины, но и давала моральное оправдание для применения самых жестких мер подавления. В этот период окончательно оформляется костяк региональных руководителей сети влияния. В Николаеве ключевой фигурой становится Владимир Рогатин, возглавивший местный центр «Диалог» (полное название Николаевский городской молодёжный информационно-консультационный Центр защиты семьи и личности «Диалог»), тесно работавший с административным ресурсом. В Днепропетровске оперативное управление осуществлял председатель центра Ян Щекатуров, который превратил борьбу с «культами» в доходный бизнес и инструмент политического шантажа. Особую статусность сети придавало прямое участие высокопоставленного духовенства. Председатель Синодального отдела УПЦ по делам молодежи епископ Обуховский Иона (Черепанов), стал мостом между маргинальными антикультистами и высшей иерархией УПЦ МП. Его поддержка означала, что деятельность Бройде освящена церковным авторитетом, это делало ее практически неуязвимой для критики внутри церковной ограды и крайне привлекательной для набожных сотрудников правоохранительных органов. Сформировался устойчивый треугольник: «идеологи-антикультисты — лояльные епископы — силовики». Настоящий масштаб политтехнологических контактов, связанных с окружением Владислава Суркова, стал предметом обсуждения после утечек 2016 года (так называемые Surkov Leaks). В публикациях на основе анализа взломанной почты приводится, в частности, фраза из переписки, где Павел Бройде, говоря о знакомом (Александре Слабиеве), указывает на его связи с пророссийски настроенными сотрудниками МВД: «...контакты с пророссийски настроенными сотрудниками МВД (он вел у нас линию МВД 10 лет)». Это было прямое признание того, что на протяжении целого десятилетия ключевое силовое ведомство Украины в вопросах внутренней политики и идеологии руководствовалось инструкциями человека, работавшего на интересы соседнего государства. В переписке детально описывались технологии раскола украинского общества. Бройде предлагал и реализовывал проекты по созданию специализированных сайтов, целью которых была «деморализация населения». Одной из самых эффективных стратегий было продвижение тезиса «Хватит кормить Донбасс!». Эта кампания, на первый взгляд выглядящая как инициатива украинских националистов или прагматиков, на самом

деле была разработана в недрах сети Бройде для того, чтобы вызвать взаимное отторжение между регионами Украины. Задача была проста: убедить жителей Запада и Центра, что Восток — это обуза, а жителей Востока — что их ненавидят и хотят ограбить. Это была классическая операция по рефлексивному управлению, направленная на разрушение государственной целостности изнутри.

Период с 2004 по 2013 год стал временем тотального проникновения сети в государственный аппарат. Антикультовая риторика трансформировалась в полноценную идеологию «защиты канонического пространства», где любой оппонент власти автоматически клеймился как «сектант» или «иностранный агент». Сеть Бройде-Дворкина занималась не только пропагандой, но и физическим вытеснением конкурентов, организацией провокаций на религиозной почве и созданием отрядов активистов, которые позже станут костяком для формирования антимайдановских структур и первых групп «ополчения» в 2014 году. Работа сети была направлена на создание психологического барьера между украинцами разных регионов и конфессий. Любое проявление украинской идентичности, не согласующееся с парадигмой «единой и неделимой Руси», интерпретировалось как проявление «духовной прелести» или прямого влияния западных спецслужб. К началу Революции Достоинства почва была полностью подготовлена. Общество было сегментировано, силовые структуры пропитаны агентурой влияния, а в информационном поле были расставлены «мины-ловушки» в виде готовых смысловых конструкций о «фашистах», «сектантах» и «американских марионетках».

События 2014 года стали не началом, а лишь логической развязкой многолетнего невидимого влияния, в котором Павел Бройде и его сеть центров «Диалог» сыграли роль передового отряда, обеспечившего идеологическое и оперативное сопровождение грядущей катастрофы.

События начала 2014 года стали для Украины моментом истины, обнажившим глубину многолетней подрывной работы. Когда пламя Революции Достоинства достигло своего пика, агентурная сеть, выстраиваемая Павлом Бройде и его кураторами на протяжении десятилетия, перешла из режима «мягкого влияния» в фазу открытой агрессии. Этот переход не был спонтанным — он был заранее подготовлен, идеологически обоснован и обеспечен оперативной инфраструктурой, которая годами подстраивалась под общественные и религиозные организации.

В начале 2014 года, когда победа Майдана стала очевидной, Павел Бройде экстренно покидает территорию Украины и обосновывается в Москве. Однако его бегство не означало прекращения деятельности. Напротив, столица соседней страны превратилась в командный пункт, откуда осуществлялось дистанционное управление разветвленной сетью доверенных лиц, оставшихся в украинских регионах. Используя защищенные каналы связи и отработанные годами механизмы координации, Бройде продолжал руководить своими активами в Запорожье, Днепре, Одессе и на Донбассе. Эта «дистанционная война» стала прообразом сетевых структур будущего, где физическое присутствие лидера не является обязательным для эффективного управления хаосом на местах. В этот период происходит стремительная трансформация антикультовой риторики. Если раньше объектами атак были «деструктивные секты», то с весны 2014 года вектор сместился на новую украинскую власть и участников гражданского протеста.

В информационное поле был брошен и агрессивно растиражирован тезис о том, что Майдан — это не волеизъявление народа, а «проект неоязычников, сатанистов и адептов западных культов». Старый ярлык «сектант» мгновенно сросся с новым ярлыком «нацист», создавая в сознании обывателя образ экзистенциального врага, борьба с которым оправдывает любое насилие. Ключевую роль в распространении этих деструктивных нарративов сыграл Владимир Рогатин, фигура, тесно связанная с европейской антикультовой федерацией FECRIS и активно использовавшая этот статус для придания своим словам веса «международной экспертизы». Через российские федеральные телеканалы, такие как LifeNews и «Россия-24», Рогатин и другие спикеры сети Бройде транслировали шокирующие сюжеты о «сатанинских ритуалах» на Майдане и «ритуальных убийствах», якобы совершаемых украинскими патриотами. Эта пропаганда была направлена не столько на российскую аудиторию, сколько на жителей Юго-Востока Украины, стремясь вызвать у них парализующий ужас и желание «защитить веру» любой ценой. Параллельно с информационной канонадой сеть Бройде развернула активную оперативную работу «на земле». В Луганске, Донецке, Одессе и Запорожье структуры, созданные под эгидой центров «Диалог» и православных апологетических центров, стали базой для формирования так называемых «православных дружин». Эти формирования стали костяком антимайдановских митингов. Их задача заключалась в дестабилизации ситуации.

Доказательства прямой координации деятельности Бройде с высшим политическим руководством России стали достоянием общественности благодаря расследованиям сообщества InformNapalm и публикации архивов SurkovLeaks в 2016 году. Взломанная переписка аппарата Владислава Суркова, тогдашнего куратора украинского направления в Кремле, пролила свет на истинные масштабы работы сети. В отчетах, направляемых в Москву, детально описывались сметы на финансирование «пророссийских активистов», планы по организации провокаций и результаты операций по «деморализации населения». Бройде фактически выступал в роли одного из операторов Суркова, отчитываясь о том, как за счет умелой манипуляции религиозными чувствами и региональными страхами удастся разрушать фундамент украинской государственности. Особое внимание в этих документах уделялось стратегии внутреннего раскола.

Проекты, которые на первый взгляд казались внутриукраинскими спорами, на деле разрабатывались в Москве и реализовывались сетью Бройде. Кампания по продвижению лозунгов, вбивающих клин между регионами, была частью тщательно спланированной операции по психологическому изматыванию общества. Целью было создание ситуации, при которой украинцы начали бы воспринимать друг друга как непримиримых врагов, разделенных по конфессиональному или языковому признаку, что облегчало задачу для внешнего военного вторжения. Десять лет работы сети Бройде под прикрытием «защиты традиционных ценностей» позволили создать структуру, которая в критический момент смогла обеспечить идеологическое обоснование войны, подготовить кадры для сепаратистских движений и создать каналы для бесперебойной трансляции враждебной пропаганды.

Трагедия Крыма и Донбасса стала возможной во многом потому, что в тылу Украины годами безнаказанно действовала система, целью которой было методичное уничтожение основ независимого государства под видом духовного спасения. Опыт 2014 года наглядно показал, что информационные и религиозные манипуляции являются таким же смертоносным оружием, как танки и артиллерия, а те, кто их направляет, несут не меньшую ответственность за пролитую кровь.

Когда ранним утром 24 февраля 2022 года мир услышал программную речь российского президента о начале «специальной военной операции», многие западные аналитики были сбиты с толку терминологией. Понятие «денацификация», выдвинутое в качестве ключевого оправдания агрессии, казалось историческим

анахронизмом, не имеющим связи с реальностью современной Украины. Однако для тех, кто на протяжении двадцати лет наблюдал за деятельностью сети Павла Бройде и Александра Дворкина, этот лингвистический и идеологический конструкт не стал сюрпризом. Напротив, он стал закономерной кульминацией многолетней работы по дегуманизации украинского народа, где ярлык «нацист» был лишь внешней оболочкой, под которой скрывалось тщательно взращенное содержание — образ Украины как «территории тотальной сектантской оккупации».

Полномасштабное вторжение 2022 года не было бы возможным без предварительного демонтажа образа Украины в сознании российского общества и политического руководства. Этот демонтаж осуществлялся через сеть РАЦИРС, которая десятилетиями транслировала в Кремль и спецслужбы искаженную картину реальности. Концепция, заложенная Павлом Бройде в Запорожье и апробированная во время двух Майданов, достигла своего апогея. Если в 2004 году протесты называли «проектом сект», а в 2014-м — «сатанинским бунтом», то к 2022 году антикультисты смогли убедить российское руководство в том, что все государственные институты Украины, её армия и само общество являются продуктом «деструктивного программирования». В этой системе координат «денацификация» фактически стала синонимом «десектизации».

Термин «сектант», который Бройде, Рогатин и Щекатуров годами внедряли в украинский и российский дискурс, стал идеальным инструментом дегуманизации. В отличие от политического оппонента, с которым можно вести переговоры, «сектант» в риторике Дворкина — это существо, лишённое собственной воли, «зомби», чей разум захвачен иностранными кураторами. Применяв этот шаблон к целому государству, антикультистская сеть дала агрессору моральную индульгенцию на массовые убийства: в их логике они шли не воевать с народом, а «освободить» его от духовного и психологического рабства.

Военная пропаганда Кремля полностью поглотила антикультовую экспертизу, превратив её в оперативную доктрину. Роль Александра Дворкина в этом процессе невозможно переоценить. Его многолетнее доминирование в качестве главного «эксперта по сектам» при государственных структурах РФ позволило ему сформировать у высшего руководства и жителей России параноидальное восприятие Украины. Через сеть своих филиалов, включая созданные Бройде центры «Диалог», Дворкин поставлял отчеты, в которых украинское руководство — от Турчинова до

Зеленского — неизменно представлялось адептами тех или иных «деструктивных культов». В этих докладах Украина описывалась не как суверенная страна, а как гигантский «отдел западных спецслужб», где через религиозные организации якобы выращиваются «неоязыческие батальоны» и «сектанты-убийцы».

Особым этапом сращивания антикультизма с военной агрессией стал переход от риторики «денацификации» к открытой концепции «десатанизации» осенью 2022 года. Когда блицкриг провалился, а идеологическое обоснование войны начало буксовать, на авансцену снова вышли наработки РАЦИРС. Тезисы о «сатанинских культах» на передовой, о «ритуальных жертвоприношениях», которые якобы совершают бойцы ВСУ, стали официальной частью повестки Совета Безопасности РФ. Это прямое следствие тех самых «экспертиз», которые Павел Бройде внедрял в практику еще в середине 2000-х годов.

То, что начиналось как региональные интриги в Запорожье и Днепре, превратилось в глобальную угрозу миру, оправдывающую применение ядерного оружия в «священной войне против глобального сатанизма». Трагедия Украины в 2022 году служит наглядным и предельно жестким архетипом для всего мирового сообщества. Она демонстрирует, что происходит с государственностью, когда деятельность иностранных агентурных сетей, работающих под прикрытием «борьбы с сектами», не пресекается на ранних этапах. Деятельность Павла Бройде показывает, как профессиональный манипулятор, используя защищенный статус «религиозного эксперта», смог инфильтрировать представителей силовых структур, посеять семена регионального раскола и подготовить почву для полномасштабного геноцида.

Информационная инфраструктура, выстроенная антикультистами, оказалась не менее эффективной, чем логистические цепочки снабжения армии. Она обеспечила главное — превращение нормального человеческого сочувствия в ненависть, а политического конфликта — в экзистенциальную бойню. Понимание того, что «антикультовая деятельность» в руках авторитарного государства является формой оружия, пришло слишком дорогой ценой. Сложившееся в Украине ситуация доказывает: когда группа лиц получает право бесконтрольно клеймить сограждан «сектантами» и «деструктивными элементами», это никогда не заканчивается «защитой традиционных ценностей», а лишь конфликтами, разрушенными жизнями и городами. Локальный конфликт может быть раздут до масштабов экзистенциальной угрозы, что в конечном итоге позволяет его заказчикам

конвертировать созданный хаос в политический капитал и внимание со стороны кураторов из разведывательных сообществ.

Усиление гражданского общества в Украине и постепенное очищение силовых структур от одиозных пророссийских кадров после 2014 года заставили кураторов из РАЦИРС искать новые формы легитимации своей деятельности. На смену «духовным центрам» пришла форма «научной экспертизы» и «правовых исследований». Ключевой фигурой этой институциональной трансформации стала Ирина Кременовская — человек, сумевший придать маргинальным антикультовым идеям Александра Дворкина лоск академической респектабельности. Перерождение сети началось с осознания того, что в условиях евроинтеграции Украины старые методы стигматизации религиозных меньшинств перестают работать. Требовался новый язык — язык юриспруденции, психологии и национальной безопасности.

Ирина Кременовская, старший научный сотрудник Института экономико-правовых исследований НАН Украины, идеально подходила на роль главного проводника этой обновленной стратегии. Её академический бэкграунд и умение оперировать юридическими терминами позволили сети РАЦИРС инфильтроваться в украинское экспертное пространство под видом защиты закона и борьбы с коррупцией. Центральным событием этого этапа стало создание в 2017 году общественной организации «Центр экономико-правовых исследований» (ЦЭПИ). Несмотря на нейтральное название, эта структура с первых дней своего существования превратилась в главный фасад для антикультовой деятельности в Украине. Примечателен выбор партнера: соучредителем ЦЭПИ вместе с Кременовской стал Алексей Святогор — личность крайне жестокая, получившая печальную известность как лидер движения догхантеров. Альянс «ученого-юриста» и человека, открыто пропагандировавшего насилие, на первый взгляд казался парадоксальным, но в логике комплексной войны он был абсолютно оправдан.

Святогор обеспечивал радикальную медийную поддержку и агрессивный стиль коммуникации, в то время как Кременовская создавала юридическое обоснование для атак на «неудобные» организации и отдельных граждан. Методы работы ЦЭПИ представляли собой гремучую смесь юридического спама, информационного киллерства и манипулятивной экспертизы. Кременовская начала системную кампанию по дискредитации украинской школы религиоведения. Главным объектом атаки стали ученые, придерживавшиеся объективного, непредвзятого подхода к

изучению новых религиозных движений. В информационное пространство вбрасывались тезисы о том, что ведущие украинские религиоведы, такие как Людмила Филипович и её коллеги, являются «лоббистами интересов тоталитарных сект» и действуют во вред национальной безопасности. Скандал вокруг портала «Гранит науки» обнажил технологию «перевернутой реальности», которую исповедовала группа Кременовской. Любая научная публикация или экспертное заключение, не совпадающее с жесткими антикультовыми установками РАЦИРС, объявлялось результатом подкупа со стороны «сект». При этом сама Кременовская активно использовала ресурс «Говори! Вільне слово» и другие, которые напрямую ретранслировали нарративы Александра Дворкина.

Таким образом, в Украине была создана внутренняя когорта с собственными правилами: ЦЭПИ генерировал «экспертные заключения», придавал им видимость научной дискуссии, а заказные сайты или каналы обеспечивали массовый охват и дегуманизацию оппонентов. Эта деятельность координировалась в тесном контакте с российскими структурами, что подтверждается практически синхронным появлением публикаций в Украине и РФ по одним и тем же «целевым объектам». Особое место в деятельности Кременовской занимала подготовка почвы для будущей военной агрессии. Её «правовые исследования» удивительным образом резонировали с тезисами российской пропаганды. Именно в работах и выступлениях группы Кременовской-Святогора начали кристаллизоваться идеи о том, что религиозное многообразие Украины — это не признак демократии. Под видом борьбы с «деструктивными культами» внедрялась мысль о необходимости жесткого государственного контроля над совестью граждан. Постепенно риторика становилась всё более агрессивной: религиозные меньшинства начали открыто называть «пятой колонной». Синхронизация с идеологической российской машиной была очевидной.

Многие тезисы из «экспертиз» Кременовской были практически дословно использованы в материалах российских антикультистов. Таким образом, Ирина Кременовская и её структура выполнили роль интеллектуального авангарда агрессии. Её деятельность наглядно продемонстрировала, как академические регалии могут быть использованы для легитимации ненависти и подготовки геноцида. Масштаб вреда, нанесенного этой деятельностью, начал осознаваться международным сообществом лишь спустя время.

В мае 2025 года на форуме IRF Builders Forum в Вашингтоне имя Ирины Кременовской было официально упомянуто в докладах международных экспертов. Она была названа одним из ключевых агентов российского влияния в религиозной и правовой сфере Украины. Участники форума отметили, что её работа по разрушению межконфессионального мира и дискредитации независимых ученых была неотъемлемой частью долгосрочной стратегии РФ по дестабилизации украинского государства. Признание её деятельности формой гибридной войны на столь высоком уровне стало важным шагом в понимании того, что враг действует не только на фронте, но и внутри научно-экспертных советов.

Трагедия ситуации с Кременовской заключается в том, что ей долгое время удавалось эксплуатировать доверие общества к государственным научным институтам. Статус сотрудника НАН Украины служил ей надежным щитом, позволяя годами транслировать российские деструктивные нарративы, выдавая их за национальный украинский интерес. Это стало возможным из-за отсутствия в государстве действенных механизмов проверки экспертов на предмет конфликта интересов и связей со страной-агрессором.

Анализируя путь Ирины Кременовской, можно увидеть общую логику деградации «антисектантского» движения. Отсутствие реальной научной базы неизбежно толкает подобных «экспертов» в объятия тоталитарных режимов, которым нужны удобные инструменты для преследования несогласных. В условиях Украины этот процесс приобрел характер национального предательства. Созданная ею сеть информационных ресурсов и экспертных прикрытий продолжала работать даже в самые тяжелые месяцы войны. Выявление и нейтрализация таких спящих агентов влияния, которые прячутся под вывеской научное сообщество, является не менее важной задачей для безопасности Украины, чем борьба с диверсионно-разведывательными группами на линии фронта, так как яд, впрыснутый под видом науки, продолжает отравлять государственные институты и сегодня.

Необходимо подчеркнуть, что переход от уличных акций Бройде к «кабинетным» экспертизам Кременовской ознаменовал собой профессионализацию российского влияния в Украине. Это был переход к точечным, высокотехнологичным ударам по самой основе демократического устройства. Дискредитация религиоведов была лишь первым этапом; конечной целью было создание правового вакуума, в котором любое проявление свободы совести могло быть объявлено преступлением против

государства. Этот опыт должен быть тщательно изучен, чтобы в будущем государственная машина Украины никогда больше не становилась заложницей манипуляторов, использующих букву закона для уничтожения его духа. Сегодня, когда мы видим деятельность подобных «антикультовых» структур в других демократических странах, мы обязаны задать себе вопрос: кто на самом деле стоит за этими «исследовательскими центрами»? Чьи геополитические интересы они обслуживают, подрывая основы свободы совести и социального согласия в ваших обществах? Украина уже оплатила ответ на этот вопрос кровью своих сыновей и дочерей. Готовы ли вы распознать эту угрозу, пока она еще не превратилась в грохот канонады на ваших улицах?

Глава 2. Латвия — европейская кузница для российских агентов

Рига в 2006 году жила в странном, почти сомнамбулическом состоянии, которое сегодня, сквозь призму прожитых лет и вскрытых архивов, кажется затишьем перед долгой и методичной бурей. С одной стороны, город захлестнул лихорадочный оптимизм первых лет в Европейском союзе: строительный бум, неоновые вывески новых торговых центров и предчувствие бесконечного роста. С другой — холодный, пронизывающий ветер с Даугавы приносил запахи нерешенных исторических обид, которые не исчезли с получением европейских паспортов, а лишь трансформировались в нечто более сложное.

Именно в этот период объединение «За права человека в единой Латвии», более известная под аббревиатурой ЗаПЧЕЛ и позже трансформировавшаяся в «Русский союз Латвии» (РСЛ), переживала свой концептуальный ренессанс. Это не было просто очередным электоральным циклом; это был момент, когда политическая платформа, выстроенная на юридической защите «неграждан», начала обрастать сложной идеологической броней, в которой правозащитная риторика странным образом переплелась с элементами психологического патернализма.

В авангарде этого процесса стояла Татьяна Жданок — фигура почти монументальная, чей математический склад ума и европейский опыт создавали фасад респектабельности и легалистской неуклонности. Для Жданок борьба за статус русского языка и права соотечественников всегда была шахматной партией высокого уровня, где каждый ход выверялся по лекалам международного права, однако под этим интеллектуальным куполом вызревали иные, более приземленные и одновременно более агрессивные формы социального контроля.

Мирослав Митрофанов в этой связке выступал как создатель партийной машины, человек, способный перевести высокие абстракции Жданок на язык организационных структур и конкретных политических действий. Его роль была критически важна для удержания баланса между радикально настроенным электоратом и необходимостью вести диалог с властью, но именно при нем внутри партии начала формироваться группа, чьи интересы лежали далеко за пределами простых митингов. В это же время медийное пространство Риги буквально вибрировало от голоса Андрея Мамыкина. Его программа «Без цензуры» стала тем самым увеличительным стеклом, через которое идеи партийного руководства транслировались широкой аудитории. Мамыкин в то время обладал колоссальным символическим капиталом; он не просто задавал вопросы, он формировал повестку дня, создавая вокруг партии РСЛ ореол единственной силы, способной защитить «своих» не только от государственных репрессий, но и от неких незримых, духовных угроз. Именно этот медийный вес позволил впоследствии легитимизировать весьма специфическую риторику, которая начала просачиваться из недр партийных кабинетов.

Внутри этой политической структуры сформировалось то, что позже назовут «триумvirатом антикультистов» — неформальная, но крайне влиятельная группа, состоящая из Олега Никифорова, Виктора Ёлкина и Светланы Крыловой. Их союз был уникальным сплавом психологии, политического активизма и религиозной ортодоксии. Олег Никифоров, обладавший глубокой психологической базой, принес в политический дискурс понятие «деструктивности», начав интерпретировать социальное поведение через призму нетерпимости и отклонений. Для него оппоненты или новые религиозные движения были не просто инакомыслящими, а «жертвами манипуляций», требующими не открытого диалога, а «лечения» или изоляции.

Виктор Ёлкин, будучи энергичным партийным функционером, превратил эти психологические выкладки в инструмент политического давления. Он понимал, что борьба с «культами» — это идеальный способ мобилизации консервативного электората, возможность показать, что партия защищает не только кошелек или язык избирателя, но и его душу, его детей, его ментальную целостность.

Светлана Крылова завершала этот союз, обеспечивая прочную связь с православной средой. Ее участие придавало антикультистской риторике характер священного сражения, где «традиционные ценности» выступали в роли единственного спасительного щита против западного либерального хаоса, олицетворением которого и объявлялись любые нетрадиционные верования.

Трагедия русскоязычного населения, чувство отчужденности и поиска идентичности в постсоветской Латвии были использованы для внедрения антисектантской парадигмы. Защита прав человека плавно трансформировалась в защиту от «деструктивного влияния». Политический аргумент был заменен диагнозом. Если вы не согласны с линией партии или ищете духовные альтернативы вне жестко очерченного канона, вы объявлялись «завербованным» или «психологически подавленным». Это позволяло РСЛ не просто бороться с внешними врагами, но и проводить внутренние чистки, маркируя любое проявление независимого мышления как результат работы некоего «культа». Психология в руках этого триумvirата превратилась в дубинку, которой усаиляли любопытство и подавляли сомнения, создавая внутри атмосферу подозрительности и осажденной крепости.

Прошли годы, и семена, посеянные в 2006-м, дали пышные всходы в июне 2018 года, когда Рига превратилась в эпицентр международной антикультистской активности. Конференция FECRIS стала моментом триумфа для тех, кто годами выстраивал в Латвии инфраструктуру борьбы с инакомыслием. Это мероприятие собрало под одной крышей самых преданных и влиятельных фигур движения. Александр Дворкин, приехавший из Москвы, выступал здесь не просто как эксперт, а как «патриарх современного антикультизма», чья концепция «сектоведения» стала фундаментом для репрессивных практик во всем постсоветском пространстве. Его присутствие подчеркивало транснациональный характер движения: границы между государствами стирались перед лицом «общей угрозы». Рядом с ним находилась Бранка Дуймич-Делькур, хорватская активистка и вице-президент FECRIS, чья административная хватка и связи в европейских структурах придавали собранию

статус высокого международного форума. Луиджи Корвалья, представлявший итальянское крыло, добавлял в этот коктейль интеллектуальный лоск, пытаясь облачить агрессивную антисектантскую риторику в одежды научной психологии и светской этики. Особое место занимали западные эксперты, такие как Александра Стайн и Джанджа Лалич. Александра Стайн, чье имя часто связывали с авторитетными медиа уровня BBC, привнесла в дискуссию элемент «западной экспертизы». Ее участие было критически важно для создания иллюзии объективности: если о «промывке мозгов» говорит человек с таким бэкграундом, значит, проблема действительно существует и требует жестких мер. Джанджа Лалич, представлявшая американскую школу изучения культов, добавляла трансатлантическую перспективу, подчеркивая, что борьба с деструктивными группами — это не локальная причуда латвийских или российских политиков, а глобальный тренд.

Весь этот ансамбль создавал мощное смысловое поле, в котором индивидуальная свобода совести и мысли рассматривалась исключительно как уязвимость, через которую враждебные силы могут дестабилизировать общество. Символом этой новой реальности стали фотографии, опубликованные Бранкой Дуймич-Делькур в социальных сетях. На снимке, сделанном в неформальной обстановке рижской встречи, запечатлены лидеры движения — расслабленные, улыбающиеся, пьющие кофе в одном из уютных заведений старого города. Эти кадры говорили больше, чем все доклады конференции вместе взятые. Это было изображение подлинного интернационала антикультистов, где личные связи и общие интересы перевешивали любые формальные процедуры. Фотографии стали визуальным доказательством существования тесной сети, пронизывающей границы и институты, сети, которая в 2018 году в Риге окончательно осознала свою силу и влияние на политическую жизнь Европы. Рига в этом контексте выступила не просто как декорация, а как уникальный плацдарм, где методы психологического воздействия были успешно интегрированы в политическую борьбу. Город, когда-то бывший мостом между Востоком и Западом, стал местом, где эти две стороны сошлись в стремлении ограничить личную свободу под прикрытием «коллективной безопасности».

Идеологический синтез, начатый триумvirатом Никифорова, Ёлкина и Крыловой под эгидой Жданок и Митрофанова, к 2018 году превратился в сильный инструмент социального инжиниринга. Психологические диагнозы окончательно заменили

политическую дискуссию. Вместо того чтобы развивать культуру диалога и инклюзивности, политические элиты, связанные с РСЛ и антикультистским движением, предпочли совсем ионный путь. Традиционные ценности стали не просто культурным выбором, а обязательным стандартом, отклонение от которого каралось общественным остракизмом и психологической стигматизацией.

Анализируя путь от 2006-го к 2018 году, становится очевидным, что взлет «Русского союза Латвии» был неразрывно связан с этим поворотом к антикультизму. Партия нашла в нем неисчерпаемый ресурс для поддержания собственной значимости. Пока Жданок выступала в Брюсселе, а Митрофанов выстраивал партийные ряды, внизу, на уровне психологических тренингов, церковных общин и медийных шоу Мамыкина, ковалась новая идентичность «защищенного русского человека», чьим главным врагом был объявлен не столько этнократический режим, сколько «деструктивный культ». Это позволило канализировать социальное недовольство в русло борьбы с внутренними призраками, отвлекая внимание от реальных социально-экономических проблем.

Таким образом, рижский период стал временем, когда политическая антропология региона претерпела радикальные изменения. Возникновение союза между правозащитниками старой закалки и новыми «инженерами душ» создало прецедент, когда защита прав меньшинств стала оправданием для подавления индивидуальных свобод внутри этого самого меньшинства. Однако, этот интеллектуальный портрет эпохи не будет полным без понимания того, насколько органично в него вписались фигуры вроде Стайн и Лалич. Их присутствие в Риге символизировало глобальное признание латвийского опыта. Западная экспертиза, смыкаясь с российским «сектоведением» Дворкина на латвийской почве, создавала взаимовыгодную связь авторитетов, где каждый подтверждал правоту другого. Это была идеальная эхо-камера, в которой голос здравого смысла и защиты реальных свобод тонул в криках о «тоталитарных сектах».

Трагедия этого периода заключается в том, что люди, искавшие опоры в трудные времена, попадали из одной системы контроля в другую, еще более жесткую и бескомпромиссную. Политический выбор РСЛ в пользу антикультизма оказался стратегическим выигрышем в краткосрочной перспективе, но глубоким поражением для будущего гражданского общества.

Исследование механизмов российского влияния в Балтийском регионе неизбежно приводит к выводу, что традиционное разделение на «чистую политику» и «общественную деятельность» в данном контексте является искусственным. Генезис сети уходит корнями в середину 2000-х годов, когда Москва начала переходить от стихийной поддержки соотечественников к выстраиванию жестких организационных вертикалей в Европе. Ключевой фигурой здесь выступила Татьяна Жданок, чья деятельность на посту депутата Европарламента стала фасадом для реализации масштабных проектов влияния. Однако политическая лояльность — лишь одна сторона медали. Для полноценного контроля над социальным пространством требовался инструмент идеологической обработки, способный подавлять гражданскую активность изнутри. Этим инструментом стала антикультовая риторика, внедряемая через структуры FECRIS.

Связь между РСЛ и этой организацией носит не только идеологический, но и подчеркнуто персональный характер. Ярким примером служит деятельность Андрея Мамыкина, который, будучи союзником Жданок и активным функционером прокремлевского лагеря, стал связующим звеном между партией и антикультистским движением. Его участие в конференции FECRIS в Риге в 2018 году не было протокольным жестом. В своих выступлениях Мамыкин подчеркивал необходимость жесткого государственного контроля над религиозными и общественными организациями, используя терминологию борьбы с «сектантством» для обоснования ограничений гражданских свобод. Антикультизм в руках РСЛ и их партнеров из FECRIS превратился в механизм социальной экзекуции. Использование концепции «духовной безопасности», заимствованной из российских доктрин начала 2000-х, позволило перевести политическую борьбу в плоскость «защиты психического здоровья» и «традиционных ценностей». Это создало идеальное прикрытие для преследования любых групп, которые не вписывались в монолитную структуру «русского мира» или проявляли избыточную независимость от контролируемых ими институтов.

В период с 2015 по 2020 год в Латвии было зафиксировано несколько десятков случаев системной дискриминации, которые критики напрямую связывали с совместной активностью антикультистских групп и представителей РСЛ. Эти случаи варьировались от публичных кампаний по очернению до попыток законодательного ограничения деятельности религиозных меньшинств и правозащитных

организаций. Механика этого процесса во многих случаях следовала единому шаблону: организация, признанная «неудобной» с точки зрения пророссийского лобби, клеймилась как «секта». После этого подключались медийные ресурсы сети, которые тиражировали псевдонаучные заключения экспертов, аффилированных с FECRIS.

Логика функционирования этой сети выходит за рамки простой защиты интересов русскоязычного населения. Это комплексная операция по эрозии демократических институтов Латвии и подрыву социальной сплоченности общества. Примечательно, что западные спецслужбы и аналитические центры начали осознавать масштаб угрозы значительно раньше, чем эта проблема стала предметом широкой общественной дискуссии.

Глава бюро КаПо Харрис Пуусепп в своих оценках был предельно лаконичен и точен, отмечая, что Кремль стремится использовать и усиливать существующие в обществе противостояния, создавая дополнительную напряжённость. Пуусепп подчеркивал, что в таких операциях важно, чтобы те, кого используют, могли даже не осознавать этого. В более широких оценках служб безопасности стран Балтии Россия нередко описывается как актер, применяющий схожие приёмы влияния в регионе — через искусственное раздувание линий разлома.

Интеграция РСЛ в структуру FECRIS позволяет говорить о существовании комплексной сети, где политический ресурс конвертируется в идеологическое давление. Для Латвии это означает, что борьба против «сект» в интерпретации Мамыкина на самом деле является борьбой против плюрализма и независимости гражданского общества. Антикультизм здесь выступает в роли «мягкой силы» российского влияния, позволяя под благовидными предлогами разрушать горизонтальные связи в обществе и формировать атмосферу страха и нетерпимости. Это делает сеть РСЛ-FECRIS не просто политическим оппонентом внутри страны, а проводником стратегии, направленной на превращение Балтии в зону «ограниченного суверенитета», где право на существование имеют только те группы, которые получили санкцию от российских кураторов.

Политическая поддержка фальсифицированных выборов, доказанная отчетами European Platform for Democratic Elections (EPDE), обеспечивает внешний контур легитимности режима, в то время как антикультовая риторика внутри Латвии

обеспечивает внутреннюю зачистку пространства от потенциальных центров сопротивления. Эта двухвекторная атака на демократию свидетельствует о высоком уровне адаптивности российских разведывательных структур, научившихся использовать европейские ценности и институты для их же разрушения.

Упомянутые выше случаи дискриминации — это не просто статистика, а свидетельство того, как эффективно работают механизмы подавления, когда политический мандат объединяется с агрессивной идеологической доктриной. В этой системе координат РСЛ и FECRIS перестают быть отдельными сущностями, превращаясь в единую сеть, функционирующую по лекалам, разработанным в недрах сопредельного государства.

В 2005 году создание European Russian Alliance (ERA, или Европейский русский альянс) ознаменовало новый этап этой экспансии. Согласно данным эстонской полиции безопасности (КаПо), зафиксированным в ежегодном отчете за 2005 год, ERA не была ни спонтанной инициативой диаспоры, ни рядовым объединением общественников. Документы контрразведки описывают это как операцию ФСБ в ЕС: КаПо отмечает, что «сценарий» формирования ERA при Европарламенте был подготовлен в Санкт-Петербурге и «доложен напрямую директору ФСБ как триумф». Более того, успешное проведение учредительной конференции в Брюсселе 17–18 июня 2005 года было представлено в докладе директору ФСБ как стратегический триумф, позволивший создать внутри европейских институтов управляемую сеть влияния. Эта сеть, организационно запущенная при ключевой роли Жданок (КаПо называет её организатором конференции и лидером группы «ЗаПЧЕЛ»), стала фундаментом, на котором выстраивалась вся последующая деятельность РСЛ.

Политический фасад организации служил для трансляции антикультовых нарративов на самом высоком уровне. Глубина этой вовлеченности подтверждается исследованием EPDE, опубликованным в июле 2020 года. Аналитики EPDE включили Татьяну Жданок, Андрея Мамыкина и Мирослава Митрофанова в число пяти латвийских политиков, выполняющих роль «политически предвзятых наблюдателей». Их регулярное участие в легитимации сфальсифицированных выборов в Российской Федерации, а также на оккупированных территориях Украины, демонстрирует, что РСЛ действует не как национальная политическая сила, а как специализированный инструмент внешней политики РФ. Основная задача этих фигур заключалась в создании иллюзии международной поддержки авторитарных практик,

что позволяло Кремлю выдавать свои геополитические авантюры за «демократически подтвержденный выбор». В конце января 2024 года политическое пространство Европы содрогнулось от публикации «Слуга не своего народа. Как ФСБ завербовала евродепутата из Латвии Татьяну Жданок», которая подвела черту под многолетними подозрениями и кулуарными разговорами. Совместное исследование крупнейших расследовательских платформ — The Insider, латвийского центра Re:Baltica, эстонского портала Delfi и шведской газеты Expressen — представило детальные доказательства того, что депутат Европейского парламента от Латвии Татьяна Жданок по версии расследования работала в интересах ФСБ и отчитывалась перед кураторами (2004–2017). Работа таких признанных мастеров расследовательской журналистики, как Христо Грозев, Майкл Вайс и Роман Доброхотов, позволила превратить разрозненные догадки в стройную систему доказательств.

Ключевым элементом этого разоблачения стала масштабная утечка электронной переписки Жданок, охватывающая период с 2004 по 2017 год. Тысячи писем обнажили не просто симпатию к России, а строгую иерархическую отчетность, финансовую зависимость и оперативную координацию с офицерами Пятой службы ФСБ. Это расследование стало «январским громом», который окончательно разрушил образ Жданок как бескорыстного борца за права соотечественников, явив миру, профессионально сконструированный инструмент влияния Лубянки в самом сердце европейской демократии.

Чтобы в полной мере осознать значимость кейса Жданок, необходимо проанализировать структуру, которая направляла её деятельность. Речь идет о Службе оперативной информации и международных связей (СОИиМС), более известной как Пятая служба ФСБ, реорганизована в конце девяностых как небольшое подразделение для мониторинга ситуации в бывших советских республиках. При генерале Сергее Беседе она превратилась в мощнейший инструмент внешней разведки и политической дестабилизации. Пятая служба — это «глаза и руки» Кремля на постсоветском пространстве и в Европе, специализирующиеся на работе с агентурой влияния, создании прокремлевских НКО и инфильтрации в политические элиты западных стран. Для генерала Беседы Татьяна Жданок была практически идеальным инструментом. Её статус депутата Европарламента обеспечивал ей не только неприкосновенность, но и легальный доступ к закрытым дискуссиям,

европейским бюджетам и трибуне, с которой российские нарративы могли транслироваться под видом «альтернативного мнения» европейского законодателя. Пятая служба видела в Прибалтике важнейший плацдарм для внесения раскола в единство ЕС, и Жданок стала ключевым звеном в реализации этой стратегии. Оперативная работа Жданок не была хаотичной; она строилась на принципах классической преемственности, характерной для кадровых спецслужб. Первым установленным куратором Жданок стал Дмитрий Гладей, сотрудник управления ФСБ по Санкт-Петербургу, работавший с ней в период с 2004 по 2013 год. Переписка свидетельствует о высоком уровне доверия и дисциплины: Жданок отправляла Гладею черновики своих выступлений, повестки планируемых конференций и детальные отчеты о встречах в Европарламенте.

Гладей выступал в роли фильтра и координатора, санкционируя те или иные шаги «агента» и обеспечивая обратную связь. Однако подлинный профессионализм системы проявился в 2013 году, когда произошла процедура передачи актива «по наследству». Гладей формально представил Жданок нового куратора — Сергея Бельтюкова, действовавшего под псевдонимом Сергей Красин. Бельтюков, чья принадлежность к ФСБ была подтверждена через утечки баз данных и связку его телефонного номера с инфраструктурой ведомства, продолжил линию Гладея. Этот переход прошел бесшовно: формат отчетности, тон общения и характер задач остались прежними, что свидетельствует о системном, а не эпизодическом характере сотрудничества Жданок с Лубянкой.

Шпионская деятельность Жданок была наполнена строгой методичностью. Одной из ключевых точек оперативного соприкосновения стал вокзал MIDI в Брюсселе — шумный транспортный узел, идеально подходящий для коротких встреч и передачи материалов в толпе. Именно там, согласно данным расследования, происходили контакты, требующие личного присутствия и максимальной конспирации. Москва требовала от Жданок не просто лояльности, а конкретных результатов. Её отчеты о работе в Европарламенте напоминали донесения резидента: анализ настроений внутри фракций, характеристика коллег-депутатов, оценка эффективности проведенных пропагандистских мероприятий. Кроме того, Жданок мастерски использовала свой мандат для легализации других агентов ФСБ. Примером может служить случай Артема Куреева, которому она помогала получать европейские визы, представляя его как своего помощника или эксперта, тем самым обеспечивая

офицеру спецслужб легальный вход в коридоры европейской власти. Каждое действие, каждый запрос на финансирование — будь то 6 тысяч долларов на празднование Дня Победы или средства на издание брошюр — проходили через сито кураторов, подтверждая статус Жданок как полностью подконтрольного звена в цепи управления Пятой службы.

Первые серьезные операции Жданок под прикрытием мандата Европарламента были обкатаны на эстонском направлении. В 2005 году она организовала серию мероприятий в Таллине и Нарве, используя ресурсы своей тогдашней фракции «Зеленые — Европейский свободный альянс» (Greens/EFA). Под видом борьбы за права меньшинств и «неграждан» проводилась планомерная работа по мобилизации русскоязычного населения против интеграционных процессов в странах Балтии. Радиопроjekt «Час русской школы» стал рупором антилатвийской пропаганды, направленной на радикализацию молодежи и создание образа Латвии как «этнократического режима». В самом Европарламенте Жданок превратила выставочные пространства в площадки для трансляции исторического ревизионизма. Выставки о «русских в Латвии» и «преступлениях фашизма» использовались для дискредитации государственности стран Балтии на международной арене.

Это была сложная, многослойная игра, где легитимные инструменты депутатской деятельности наполнялись деструктивным содержанием, разработанным в кабинетах на Большой Лубянке. Аннексия Крыма в 2014 году стала моментом истины, обнажившим глубочайший моральный и идеологический парадокс деятельности Татьяны Жданок. На протяжении всей своей карьеры она эксплуатировала образ «непримиримого борца с нацизмом», однако именно в Крыму она оказалась в компании тех, кого весь мир признает идеологическими наследниками радикального национализма. Жданок прибыла на полуостров в качестве «международного наблюдателя» за нелегальным референдумом, причем её поездка была оплачена из бюджета Европарламента, вопреки протестам руководства этого института.

Анализ состава группы наблюдателей, в которой работала Жданок, вызывает шок у любого непредвзятого исследователя. Плечом к плечу с «антифашисткой» из Риги стояли представители ультраправых и откровенно неонацистских движений Европы. Среди них были Аймерик Шопрад от французского «Национального фронта», австрийский правый радикал Эвальд Штадлер, венгр Бела Ковач из партии «Йоббик»

и болгарин Павел Чернев из партии «Атака». В этот же круг входили такие фигуры, как неонацист Энрике Равелло из Испании и бельгийский активист Люк Мишель, чье прошлое неразрывно связано с крайне правыми экстремистскими группировками. Этот парадокс — союз «антифашистки» с неонацистами — не был случайностью. Он был результатом четкого расчета Пятой службы ФСБ, которая собирала в Крыму любую «разношерстную толпу» маргинальных европейских политиков, готовую за финансовое вознаграждение (составлявшее, по некоторым данным, тысячи долларов суточных) легитимизировать территориальный захват.

Жданок в этой схеме играла роль респектабельного фасада, своим присутствием в рядах радикалов пытаясь придать им оттенок «широкого международного признания». Её риторика о «русской Атмоде» в Крыму была направлена не на европейцев, а на внутреннюю аудиторию в России и Латвии, создавая ложную иллюзию поддержки аннексии со стороны «здравомыслящих сил Европы». Финальный акт политической драмы Татьяны Жданок начался 24 февраля 2022 года. Полномасштабное вторжение России в Украину лишило её возможности продолжать игру в «двойную лояльность». 2 марта 2022 года Жданок стала одной из немногих депутатов Европарламента — их было всего 13 человек, — кто проголосовал против резолюции, осуждающей российскую агрессию. Этот поступок стал точкой невозврата. Она была немедленно исключена из фракции «Зеленых/Европейский свободный альянс», оказавшись в полной политической изоляции. Бывшие коллеги, годами терпевшие её прокремлевские эскапады ради «демократического плюрализма», больше не могли игнорировать прямую поддержку военных преступлений.

Последствия не заставили себя ждать. В Латвии Служба государственной безопасности инициировала уголовное преследование по факту сотрудничества со спецслужбами другого государства (дело инициировано 22 февраля 2024 года; активные действия стали возможны после утраты ею иммунитета мандата). После публикации расследования в 2024 году Европарламент наложил на неё дисциплинарное взыскание за нарушение кодекса поведения (штраф и ограничения, описанные в сообщениях о санкциях ЕП). Законодательные изменения в Латвии, запрещающие бывшим членам компартии и лицам, работающим против интересов государства, претендовать на мандат, фактически закрыли ей путь к переизбранию. Политик, выбравший путь служения интересам иностранной разведки, неизбежно

теряет не только репутацию, но и саму возможность легального существования в правовом поле Европы.

Анализ деятельности Татьяны Жданок в качестве агента ФСБ в Европарламенте позволяет сделать несколько фундаментальных выводов о методах работы современных российских спецслужб. Во-первых, кейс Жданок доказывает ставку антикультовой сети на долгосрочное «выращивание» агентов влияния, способных десятилетиями удерживать позиции в легальном политическом поле. Во-вторых, он обнажает уязвимость европейских институтов перед лицом угроз, где демократические свободы и депутатский иммунитет используются как щит для враждебной деятельности. В-третьих, история Жданок демонстрирует полное отсутствие идеологической брезгливости у Пятой службы ФСБ, способной в рамках одной операции объединять «антифашистскую» риторику с услугами неонацистов. Сегодня этот пример служит главным аргументом для усиления контрразведывательного режима внутри европейских структур, напоминая о том, что цена политической слепоты может быть катастрофически высокой.

Глава 3. Пути скрытого проникновения

Современный подход российской внешней экспансии претерпел фундаментальную трансформацию. Традиционные разведывательные операции становятся лишь одним из элементов более масштабной стратегии, где ключевую роль играют гражданские институты, изначально предназначенные для развития демократического общества. Использование несиловых инструментов — академических связей, неправительственных организаций, медиа-площадок и религиозных объединений — позволяет антикультистам не просто собирать информацию, но и активно формировать политический ландшафт Европы изнутри. Эта стратегия инфильтрации опирается на уязвимости открытых обществ, где доверие к институтам и свобода слова превращаются в каналы для внедрения агентов влияния и кадровых сотрудников спецслужб. Проникновение происходит не путем взлома границ, а через методичное встраивание в социальную ткань

европейских государств, что делает обнаружение подобных сетей крайне сложной задачей для контрразведки.

Антикультовые нарративы стали удобным прикрытием для оперативной работы, позволяя устанавливать контакты с представителями силовых ведомств и министерств юстиции европейских стран под предлогом обмена опытом в сфере общественной безопасности. Критически важным направлением является академическая среда, которая в силу своей традиционной открытости и трансграничности представляет собой идеальное поле для работы агентов глубокого прикрытия.

Показательным в этом контексте является дело полковника ГРУ Михаила Микушина, который под именем бразильского гражданина Жозе Ассиса Джаммари встроился в Арктический университет Норвегии в Тромсё. Его академическая карьера, включавшая обучение в Канаде и специализацию на вопросах арктической безопасности, была тщательно выстроенной легендой, позволившей ему участвовать в семинарах и конференциях, где обсуждались чувствительные вопросы обороны и геополитики.

Параллельно с этим кейс Павла Рубцова, действовавшего под именем Пабло Гонсалеса, демонстрирует еще более глубокий уровень проникновения. Внедряясь в среду правозащитников и академические конференции по всей Европе, он не только собирал информацию о российской оппозиции, но и формировал сеть контактов среди западных интеллектуалов.

Для разведки статус «интеллектуала» — это не просто прикрытие, это инструмент легитимации своего присутствия в высших слоях общества. Ученый-эксперт обладает уникальной возможностью задавать вопросы, которые в устах дипломата выглядели бы подозрительно, и получать доступ к непубличным дискуссиям о будущем НАТО, энергетической безопасности и внутренней устойчивости европейских институтов.

К более детальному разбору этого кейса мы еще вернемся, а сейчас рассмотрим еще один канал, который охватывает разветвленную сеть неправительственных организаций и фондов, действующих в интересах соотечественников и правовой защиты. Центральное место в этой системе занимает фонд «Правфонд», который является примером структуры, используемой как инструмент влияния и поддержки операций за рубежом. Официально декларируемая цель — оказание юридической

помощи и защиты прав русскоязычного населения — служит ширмой для финансирования агентурных сетей и пропагандистских кампаний. Через «Правфонд» и аналогичные структуры Кремль оплачивает услуги адвокатов для задержанных агентов, спонсирует деятельность лояльных блогеров и создает видимость широкой общественной поддержки своих действий. Эти организации активно используют культурные центры и ассоциации диаспоры для мобилизации ресурсов и вербовки новых сторонников. Инфильтрация через НПО позволяет обходить финансовые ограничения и санкции, распределяя ресурсы через сеть мелких юридических лиц и благотворительных проектов.

Важно понимать, что работа с диаспорой в данном случае не ограничивается культурными мероприятиями; она направлена на создание замкнутых сообществ, изолированных от европейского информационного поля и восприимчивых к директивам из центра. Таким образом, гражданский сектор превращается в инфраструктуру для ведения смешанной войны, где каждый юридический центр или культурный клуб может выполнять функции узла связи или точки распределения ресурсов для оперативных нужд разведки.

Третий канал связан с медийным пространством и созданием альтернативных информационных платформ, что стало особенно заметно на примере дела «Voice of Europe». Расследования iRozhlas и The Insider вскрыли сложный механизм, в котором под видом независимого СМИ функционировала структура, которую чешские власти и расследователи связывали с российским финансированием и влиянием. «Voice of Europe» не занимался примитивной пропагандой в стиле государственных каналов; его стратегия была гораздо тоньше. Площадка использовалась для покупки экспертного мнения и лоббирования интересов Москвы через интервью с европейскими политиками, преимущественно правого и ультраправого толка. Предоставляя трибуну для критики ЕС и поддержки российских нарративов, эта структура фактически коррумпировала политическое поле, легализуя дезинформацию через уста местных лидеров общественного мнения.

Использование журналистов и медиа-менеджеров в качестве агентов влияния позволяет не только вбрасывать нужные тезисы, но и проводить разведывательный опрос под видом интервью, собирая данные о настроениях внутри национальных парламентов и европейских институтов. Медийный канал обеспечивает разведке

«мягкое» присутствие, создавая благоприятную почву для реализации более агрессивных политических сценариев.

Четвертый и наиболее законспирированный канал — это использование «нелегалов» (Deep Cover Agents), чей жизненный путь в Европе исчисляется десятилетиями. В отличие от агентов под дипломатическим прикрытием, они полностью ассимилируются в местное общество, выстраивая многолетние социальные связи, которые становятся их надежной защитой. В отличие от так называемых легальных резидентов, работающих под дипломатическим прикрытием в посольствах и консульствах, нелегалы Службы внешней разведки (СВР) и Главного управления Генштаба (ГРУ) существуют вне правового поля и формальных связей с государством. Они живут под «легендами» — тщательно выстроенными фальшивыми личностями, которые зачастую создаются десятилетиями. После полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 года роль этих глубоко законспирированных сетей претерпела фундаментальную трансформацию.

Массовая высылка российских дипломатов из европейских столиц, ставшая крупнейшим ударом по разведывательной инфраструктуре России со времен холодной войны, вынудила Кремль активировать свои скрытые резервы. Эти агенты, годами имитировавшие жизнь обычных граждан Европы или Латинской Америки, превратились из пассивных наблюдателей в активных участников тщательно спланированного противостояния, занимающихся разведкой, саботажем и подготовкой почвы для дестабилизации западных институтов.

Процесс подготовки и внедрения нелегала — это сложнейшая многолетняя операция, требующая колоссальных финансовых и человеческих ресурсов. Традиционный цикл подготовки такого агента в недрах российских спецслужб занимает несколько лет, в течение которых будущий разведчик должен не только в совершенстве овладеть иностранным языком, но и полностью искоренить любые поведенческие привычки, выдающие его происхождение. Одной из самых сложных задач остается устранение акцента, что удается далеко не всегда. История знает примеры, когда агент, действовавший в США под именем Ричарда Мерфи (Владимир Гурьев), вызывал подозрения именно из-за тяжелого русского выговора. В то же время такие мастера конспирации, как Артем и Анна Дульцевы, разоблаченные в Словении, демонстрировали безупречный испанский язык, позволявший им годами выдавать себя за выходцев из Аргентины. Технологии создания «легенд» часто опираются на

исторические методы, такие как использование документов иностранцев, погибших или пропавших без вести, а также манипуляции с архивами в странах Латинской Америки, где коррупция и слабость административного контроля позволяют получать подлинные свидетельства о рождении на вымышленные имена. В эпоху биометрии и цифрового следа эта задача усложняется, однако российские спецслужбы адаптируются, используя пробелы в международном обмене данными и создавая многослойные биографии через обучение в престижных западных университетах.

Анализ работы российских разведывательных сетей в Европе после 2022 года свидетельствует о резком смещении акцентов. По оценкам экспертов, лишение России возможности использовать дипломатические миссии как базы для шпионажа привело к тому, что значительная часть разведывательных операций теперь ложится на плечи нелегалов и привлеченных ими посредников. Кремль начал «пробуждать» спящие ячейки, которые ранее могли годами не получать активных заданий. Этот процесс сопровождается переходом к тактике «прокси-разведки», когда профессиональные офицеры координируют действия завербованных местных жителей или граждан третьих стран. Показательным примером является разоблачение в Великобритании группы из пяти граждан Болгарии, включая Орлина Русева и Катрин Иванову.

Эти люди, внешне интегрированные в британское общество и занимавшиеся волонтерством и общественной деятельностью, на самом деле создавали оперативную базу для наблюдения за объектами и сбора информации. Использование граждан стран бывшего социалистического лагеря оправдано для Москвы наличием исторических связей, общностью менталитета и более легкими условиями для вербовки через шантаж или материальное стимулирование.

Реальные примеры внедрения нелегалов иллюстрируют широту охвата и амбициозность целей российского ГРУ. История Марии Аделы Куфельдт Риверы, которая в реальности оказалась офицером ГРУ Ольгой Колобовой, демонстрирует методы социальной инфильтрации. На протяжении десяти лет она выдавала себя за дизайнера ювелирных украшений перуанско-немецкого происхождения, обосновавшись в Неаполе в непосредственной близости от Командования объединенными силами НАТО. Благодаря светскому образу жизни и членству в благотворительных организациях, она установила тесные связи с

высокопоставленными офицерами Альянса и Шестого флота США. Её «легенда» была настолько убедительной, что она не вызывала подозрений до тех пор, пока расследования Bellingcat не выявили связь серийных номеров её паспорта с документами других оперативников ГРУ, причастных к отравлению Скрипалей. Этот случай подчеркивает, что нелегалы используются не только для кражи секретных документов, но и для формирования долгосрочного влияния, изучения психологических портретов лиц, принимающих решения, и создания каналов скрытого воздействия.

Другим важным вектором деятельности является проникновение в международные юридические и политические институты, что стало критически важным для Кремля в контексте расследований военных преступлений в Украине. Дело Сергея Черкасова, действовавшего под именем Виктора Мюллера Феррейры, наглядно показывает стратегические приоритеты ГРУ. Черкасов годами строил биографию в Бразилии и США, получил степень магистра в Университете Джонса Хопкинса и в апреле 2022 года предпринял попытку устроиться на стажировку в Международный уголовный суд (МУС) в Гааге.

Его разоблачение нидерландской контрразведкой AIVD предотвратило доступ российского шпиона к конфиденциальным файлам суда в момент, когда велось активное расследование действий российских войск на украинской территории. Кроме того, Черкасов передавал своим кураторам информацию о политических настроениях в Вашингтоне в преддверии вторжения, что подтверждает роль нелегалов как поставщиков эксклюзивной аналитики о планах противника.

Роль разведывательной сети в непосредственной подготовке и ведении войны против Украины трудно переоценить. Помимо сбора данных, нелегалы и координируемые ими группы перешли к физическому саботажу военной логистики. По данным оценкам западных спецслужб и расследованиях крупных медиа в 2024 году количество инцидентов, связанных с поджогами, вандализмом и атаками на инфраструктуру в Европе, выросло в десятки раз по сравнению с началом войны. Целями становятся объекты логистики, промышленности и инфраструктуры, так или иначе связанные с поддержкой Украины

Примером такой активности может служить поджог склада в Восточном Лондоне, совершенный завербованными через социальные сети исполнителями под руководством лиц, связанных с российскими структурами.

Особое место в системе нелегальной разведки занимают «семейные пары», такие как Дульцевы в Словении. Их арест в декабре 2022 года обнажил трагическую человеческую сторону этой деятельности: дети пары — София и Даниил — росли в испаноязычной среде и, по сообщениям Reuters и Le Monde, до перелёта в Москву не знали о своём российском происхождении и не говорили по-русски. Приветствие освобожденных шпионов как национальных героев на взлетно-посадочной полосе в Москве подчеркивает, что Россия намерена продолжать и наращивать программы глубокого внедрения, несмотря на любые технологические преграды и риски разоблачения.

Текущие вызовы для европейской безопасности, связанные с деятельностью российских нелегалов, требуют принципиально новых подходов в работе контрразведок. Старая парадигма наблюдения за дипломатами больше не эффективна. Современный российский шпион может быть владельцем арт-галереи, студентом-магистрантом или футбольным тренером, не имеющим никаких формальных связей с Россией. Расширение использования прокси-актеров и криминальных элементов для выполнения диверсионных задач стирает грань между шпионажем и уголовным преступлением. Анализ этих каналов свидетельствует о том, что российская стратегия инфильтрации в Европу носит комплексный и системный характер.

Она не ограничивается поиском государственных секретов, а направлена на подрыв институционального доверия и создание среды, в которой интересы агрессора продвигаются руками самих европейцев. Скрытый характер угрозы требует от европейских государств не только усиления контрразведывательной деятельности, но и переосмысления механизмов взаимодействия гражданского общества с иностранным финансированием и структурами влияния. Успех или провал российской агентуры в Европе зависит не столько от профессионализма самих шпионов, сколько от способности западных демократий защитить свои ценности и институты, не превращаясь при этом в закрытые авторитарные системы.

Понимание того, как религиозная риторика, академические свободы, правовая помощь и медиа-ресурсы могут быть превращены в оружие, является первым шагом к выработке эффективной стратегии сопротивления. Инфильтрация продолжается до тех пор, пока каналы ее реализации остаются незамеченными или воспринимаются как несущественные элементы общественной жизни, в то время как в действительности они являются жизненно важными артериями для продвижения интересов антикультовой агентуры на континенте.

Глава 4. Трещины в фундаменте Чехии

Развитие событий в Праге к 2018 году и в последующие годы со всей очевидностью продемонстрировало, что за фасадом либеральной европейской демократии вызревали процессы, ставящие под сомнение саму суть гражданских свобод. Одним из наиболее тревожных сигналов стало формирование и институционализация так называемого антикультового движения, которое в чешских условиях приобрело уникальный характер, сочетая академическую респектабельность с методами информационного давления.

История этого явления уходит корнями в начало девяностых, когда на фоне идеологического вакуума после бархатной революции возникла острая потребность в новых ориентирах. Именно в 1993 году было создано «Общество по изучению сект и новых религиозных направлений» (Společnost pro studium sekt a nových náboženských směrů), ставшее фундаментом для всей последующей репрессивной риторики.

Пабло Гонсалес, известный в регистрационных данных российской разведки как Павел Алексеевич Рубцов, представляет собой один из наиболее показательных примеров эволюции методов работы Главного управления Генерального штаба ВС РФ (ГРУ) в условиях современной Европы.

Его деятельность в стенах Карлова университета и в широком контексте европейской журналистики стала показательным случаем глубокой инфильтрации, где классическое шпионское ремесло соединилось с современными технологиями

социальной инженерии и использованием институциональных уязвимостей западного демократического общества. Феномен Рубцова-Гонсалеса невозможно рассматривать исключительно как провал контрразведки; это сложный многоуровневый проект, направленный на подрыв доверия внутри оппозиционных кругов и академического сообщества, а также на формирование контролируемого информационного ландшафта.

Фундаментом успеха Рубцова стала концепция «идеального прикрытия», опирающаяся на его уникальную биографическую легитимность. Будучи внуком «детей войны», вывезенных из Испании в СССР во время гражданской войны 1930-х годов, он обладал неоспоримым правом на испанское гражданство по праву крови. Эта деталь биографии позволила ему не просто получить европейский паспорт, но и органично замаскироваться под западного интеллектуала с левыми взглядами, что является идеальным «входным билетом» в либеральную журналистскую и академическую среду. Работа военным корреспондентом для таких изданий, как *La Sexta* и *Gara*, давала ему легальный повод для присутствия в зонах конфликтов и на чувствительных политических мероприятиях.

Статус журналиста в данном случае выступал не просто маскировкой, а активным инструментом сбора данных: вопросы, которые в устах любого другого человека выглядели бы подозрительными, для военкора являются профессиональной обязанностью. Его способность свободно перемещаться между Мадридом, Варшавой, Прагой и зонами боевых действий на востоке Украины создавала иллюзию транснациональной журналистской активности, за которой скрывалась системная оперативная работа в интересах Кремля.

Пражский период деятельности Рубцова, охватывающий 2016–2019 годы, стал этапом его максимального сближения с интеллектуальными элитами российской политической эмиграции. Ключевым узлом этой инфильтрации стала Летняя школа журналистики имени Бориса Немцова, функционировавшая на базе философского факультета Карлова университета. Роль Гонсалеса в этом проекте была далека от пассивного наблюдения. Обладая харизмой и профессиональным бэкграундом, он вошел в круг доверенных лиц организаторов и по данным iRozhlas, помогал с организацией и участвовал в выборе участников.

С точки зрения оперативной значимости это давало ГРУ потенциальный ресурс: доступ к базе данных молодых, амбициозных и оппозиционно настроенных журналистов и активистов со всего постсоветского пространства. Анализируя анкеты и личные истории претендентов, Рубцов мог осуществлять первичную селекцию объектов для дальнейшей разработки или дискредитации. Его присутствие в академической среде старейшего университета Центральной Европы легитимизировало его статус в глазах российской оппозиции, превращая его из простого репортера в эксперта и наставника, чья лояльность ценностям демократии не вызывала сомнений у окружающих.

Особое внимание заслуживает методология социальной инженерии, которую Рубцов применял в общении со студентами и коллегами. Свидетельства студентов, опубликованные в чешских СМИ, в частности в расследованиях iRozhlas в августе 2024 года, рисуют портрет «дружелюбного Пабло», мастера неформальной коммуникации.

Он мастерски использовал психологический прием создания общности через разделенный опыт. Рассказы о тяготах войны, советы по безопасности в зонах конфликтов — от того, как распознавать звуки артиллерии, до правил прохождения блокпостов — создавали ореол профессионала-практика, лишённого идеологической предвзятости. Неформальные встречи в пражских пабах, где «Пабло» часто выступал щедрым хозяином, оплачивая счета и внимательно выслушивая собеседников, служили идеальной средой для извлечения информации.

В такой расслабленной атмосфере люди склонны делиться деталями личной жизни, планами и внутренними конфликтами в организациях, что позволяло агенту составлять подробные психологические профили ключевых фигур оппозиции, включая Жанну Немцову и других участников проектов.

Техническая и оперативная составляющая деятельности Рубцова раскрылась в полной мере лишь после его ареста в польском городе Пшемысль в феврале 2022 года. Обстоятельства задержания непосредственно перед планируемым въездом на территорию Украины в разгар начала полномасштабного вторжения указывают на экстренный характер его задания.

Обыски выявили неоспоримые доказательства его связи с кадровым составом ГРУ. Использование специализированного проприетарного программного обеспечения NEXUS для шифрования связи подтвердило, что Гонсалес не был просто «полезным

идиотом» или добровольным информатором, а являлся глубоко интегрированным в структуру разведки техническим специалистом.

Анализ содержимого его цифровых носителей показал наличие отчетов о критической инфраструктуре, фотофиксацию объектов транспорта и энергетики, а также систематизированные данные о перемещении военной помощи. Это переводит его деятельность из плоскости политического шпионажа в сферу подготовки диверсионных или стратегических операций, что подчеркивает многофункциональность его роли как агента ГРУ.

Провал с обнаружением агента такого уровня в стенах ведущего вуза страны вызвал серьезную институциональную рефлексию в Чехии. Инициатива Яны Кицлеровой, лингвиста и члена Академического сената Карлова университета, выдвинутая в октябре 2023 года, стала важным прецедентом. Она публично поставила вопрос о том, как человек с сомнительной научной биографией и непрозрачными источниками финансирования смог получить доступ к преподаванию и влиянию на студентов.

Случай Рубцова инициировал внутренние проверки лекторов и пересмотр протоколов безопасности в чешской высшей школе, признав, что академическая среда является приоритетной целью для иностранных спецслужб, стремящихся вербовать будущую элиту или влиять на формирование образовательных программ.

Информационная война, в которой участвовал Рубцов, имела и глубокое идеологическое измерение, связанное с его работой на телеканал La Sexta. Его риторика часто выходила за рамки простого изложения фактов, приобретая черты активных мероприятий по дискредитации оппозиционных и религиозных движений. В частности, прослеживается четкая связь между его репортажами и антикультовой пропагандой, продвигаемой структурами, аффилированными с RACIRS. Это демонстрирует, как ГРУ использует социальные противоречия внутри западных стран для продвижения собственных стратегических нарративов.

Финал истории Пабло Гонсалеса стал наиболее убедительным подтверждением его статуса. Масштабный обмен заключенными, состоявшийся 1 августа 2024 года, окончательно снял маску «невинно пострадавшего журналиста». Встреча Рубцова лично Владимиром Путиным у трапа самолета в аэропорту Внуково — почать, обычно резервируемая для наиболее ценных сотрудников разведки — и его

нахождение в одном ряду с профессиональными убийцами и диверсантами подчеркнули значимость его миссии.

Особо примечательным стало присутствие в группе встречающих Олега Сотникова, высокопоставленного офицера ГРУ, что закрепило ведомственную принадлежность Рубцова. Возвращение в Россию не как частного лица, а как героя тайного фронта, стало логическим завершением многолетней операции по инфильтрации в европейское общество. Для Карлова университета и всего западного сообщества кейс Павла Рубцова остается суровым напоминанием о том, что границы между гражданской активностью и разведывательной деятельностью в современной истории стали практически невидимыми, требуя принципиально новых подходов к верификации и защите демократических институтов.

Еще одним ярким примером этому стала деятельность Якуба Яхла.

Яхл олицетворял собой агрессивное крыло антикультизма, перешедшее от теоретических дискуссий к прямой конфронтации. Его публичная деятельность, сосредоточенная на борьбе с новыми религиозными движениями, включая Свидетелей Иеговы, долгое время воспринималась частью чешского истеблишмента как полезный общественный активизм. Яхл пытался интегрироваться в политическую систему через Пиратскую партию Чешской Республики, используя популярную повестку защиты прав человека и экологии как камуфляж для проникновения в социально престижные круги.

Однако за фасадом «борца за истину» скрывалась бездна, вскрытая в ходе журналистского расследования. В документальном фильме Асем Жапишевой «От благотворительности до насилия над детьми: история Якуба Яхла» («From Charity to Child Abuse: The Story of Jakub Jahl») была обнародована шокирующая информация о деятельности Якуба Яхла в Танзании.

Под прикрытием гуманитарной миссии в городе Моши он организовал детский центр «Nature and Skills», который на бумаге выглядел как благотворительный проект и образовательная инициатива для уязвимых слоев населения. Согласно свидетельствам жертв и социальных работников, центр стал местом систематического насилия. Обвинения, выдвинутые против Яхла, включают использование седативных и гормональных препаратов для подавления воли несовершеннолетних, а также акты сексуального насилия над мальчиками из бедных

семей. Факты, приведенные в расследовании, указывали на то, что Яхл использовал средства европейских доноров не на благотворительность, а на удовлетворение собственных перверсий и покупку лояльности местных функционеров.

В условиях удаленности от европейского правового поля и эксплуатируя колониальные стереотипы о «белом спасителе», Яхл превратил «Nature and Skills» в личную вотчину. Центральным эпизодом его «благотворительной» деятельности стала трагическая история несовершеннолетней девочки Вайолет. Ее судьба стала той точкой, где медийный образ Яхла окончательно столкнулся с неопровержимой реальностью физического насилия.

Под руководством адвоката Лилиан Мушебы Джастус было инициировано официальное уголовное преследование. Лилиан, представляющая интересы потерпевшей, столкнулась с человеком, который был убежден в своей исключительности и праве распоряжаться телами тех, кого он якобы «опекал». Атмосфера в Моши в период расследования напоминала тягучий нуар, где безнаказанность европейца сталкивалась с решимостью местных активистов и профессионализмом полиции по борьбе с гендерным насилием. Яхл использовал все доступные инструменты: от попыток подкупа до запугивания свидетелей, однако правовая машина Танзании, подталкиваемая неопровержимыми медицинскими показаниями и свидетельскими записями, начала смыкать кольцо. Его поспешное бегство из Танзании накануне ареста — это не акт спасения от «несправедливости», а классическое дезертирство преступника, осознающего, что его маска больше не держится.

Документалистика 2025 года совершила важнейший когнитивный сдвиг: она показала, что жертвами Яхла были не только люди в Танзании, но и все европейское общество, которое он обманывал, собирая пожертвования на свои преступления под видом помощи детям.

Это крушение «экспертной» иконы, которое обнажило системную проблему: современное общество готово простить многое тому, кто сражается с «непопулярными» группами, забывая проверять чистоту рук самого борца.

Если раньше он вещал из студий в дорогих костюмах, то визуальные свидетельства жертв, представленные в расследованиях, показали изнанку его «благотворительности». Зритель увидел не респектабельного аналитика, а человека

с признаками глубокого морального распада, чья агрессия и садизм были зафиксированы камерами и показаниями десятков людей.

Сегодняшний статус Якуба Яхла — это вызов международной системе правосудия. Его попытки получить педагогическое образование после всего содеянного в Моши выглядят как зловещая ирония и свидетельство глубокого психологического расстройства. Случай в Танзании, дело Вайолет и последовавшее за ним разоблачение через документальные фильмы — это уроки бдительности. Мы видим, как хищник, прикрываясь маской, создает свои собственные, куда более жестокие и нерегулируемые культы личности, где единственным законом является его воля, а единственным результатом — разрушенные жизни тех, кто имел несчастье поверить в его «экспертность».

Особую тревогу вызывают заявления самого Яхла о том, что он «покупал» политиков в Чехии и обладал серьезными связями в Министерстве иностранных дел, что якобы гарантировало ему неприкосновенность. Фотографии Якуба Яхла с высокопоставленными чешскими чиновниками лишь подтверждали его уверенность в собственной защищенности. Ситуация обнажила страшную закономерность: радикальная антикультовая риторика часто становится убежищем для лиц с криминальными наклонностями, которые используют борьбу с «сектами» как механизм психологической компенсации и способ получения общественного иммунитета.

Современная Чешская Республика представляет собой уникальный пример изучения того, как в условиях демократического общества может быть выстроена жестко структурированная система социального преследования религиозных меньшинств. Речь идет о феномене, где академическое религиоведение, расследовательская журналистика и агрессивный общественный активизм сливаются в единый инструмент давления.

Монополизация экспертного поля опасна тем, что один и тот же круг «официальных экспертов» нередко воспринимается государственными органами как главный источник истины по вопросам религиозного экстремизма. Это создает ситуацию, при которой институты и суды видят религиозную картину страны через ограниченную, повторяемую призму. Медийным острием этой системы выступает ряд журналистских проектов крупного новостного портала, работающих в жанре

расследований. Если академические комментаторы формируют теоретическую базу, то журналистские редакции умело превращают ее в «токсичный контент», доступный массовому потребителю.

Их роль заключается в медийной легитимизации антикультистских идей через жанр инвентивной журналистики. Проект о «сектах» в Чехии и многочисленные публикации в крупных медиа демонстрируют отработанную методику воздействия на общественное мнение. Ключевой прием строится на использовании эмоционального триггера: вместо анализа вероучения фокус делается на личных трагедиях, разрывах семейных связей и финансовых претензиях бывших участников групп, которые подаются как универсальная и единственно возможная реальность.

В этой схеме медийные авторы выполняют функцию основного публичного лица антикультистской рамки, превращая сложные религиозоведческие дискуссии в черно-белые репортажи о «промывке мозгов» и «невидимых кукловодах». Эти материалы часто подкрепляются ссылками на одних и тех же «авторитетных» экспертов, что создает двухсторонний процесс верификации: журналист ссылается на эксперта, которого сам же и популяризирует, формируя иллюзию объективного консенсуса.

Присутствие в этом взаимовыгодном сотрудничестве радикальных активистов и «полевых» кампаний давления позволяет медийным и академическим участникам сохранять видимость респектабельности, в то время как активисты транслируют те же идеи в их самой экстремальной и бескомпромиссной форме.

Процесс социальной экзекуции в рамках этой модели обычно проходит одни и те же этапы. На первом этапе «эксперт» публикует в профильном религиозоведческом издании статью о «новых рисках», исходящих от конкретной группы. На втором этапе журналисты выпускают серию материалов, где эти риски иллюстрируются анонимными свидетельствами «жертв». На третьем этапе активисты начинают требовать лишения группы юридической регистрации или проведения полицейских проверок. В конечном итоге создается атмосфера, в которой любая защита прав верующих воспринимается как соучастие в преступлении.

Это превращает правовое поле в пространство предвзятости, где судьи и чиновники, опасаясь медийного давления, могут принимать решения, ориентируясь не только на закон, но и на сформированный общественный «заказ». Таким образом, стигматизация становится самоисполняющимся пророчеством: группу называют

опасной, провоцируют против нее конфликты, а затем используют эти конфликты как доказательство ее опасности.

Важнейшим фактором устойчивости этой системы является ее внешняя легитимизация через международные институты и премии. Награждение одного из ключевых авторов этого медианарратива премией в рамках журналистской награды, связанной с Nadace OSF (Open Society Fund Praha) за аналитико-инvestigативную журналистику в 2024 году стало знаковым событием. Это признание со стороны влиятельной структуры фактически усилило институциональную защиту подобных методов, придав им статус борьбы за «демократические ценности» и «информационную гигиену». Премия служит броней против любой критики: теперь любые обвинения в предвзятости или нарушении журналистской этики легче отвергать как «нападки сект на свободную прессу».

Использование авторитета западных фондов позволяет антикультистскому сообществу представлять себя как передовой отряд борьбы с манипуляциями, скрывая за этой маской риск систематического ограничения свободы совести и права на свободу убеждений.

Чешский опыт показывает, что наиболее опасная форма нетерпимости сегодня рядится в одежды «научности» и «журналистских расследований», превращая защиту общества в инструмент уничтожения многообразия, которое является фундаментом любого открытого общества. Претензия на монополию истины, подкрепленная престижными наградами и имиджем борцов за свободу, позволяет группе лиц наносить непропорциональный ущерб тысячам людей, чья «вина» заключается лишь в ином взгляде на мир. Без критического переосмысления роли подобных медийно-академических контуров риск превращения свободы религии в пустую формальность становится для современной Европы пугающей реальностью.

В течение многих лет чешское и словацкое медиапространство принимало одного из наиболее громких активистов как бескомпромиссного борца с деструктивными культами, не замечая, как за фасадом праведного гнева формируется классическая структура индивидуального хищничества. Выбор Свидетелей Иеговы в качестве главного врага был гениальным тактическим ходом. Нападая на институцию, он искусственно помещал себя в зону морального превосходства: любая попытка поставить под сомнение его методы или личную жизнь купировалась обвинением в

пособничестве «секте». Это создало уникальный парадокс безнаказанности, где насилие, совершаемое активистом, трактовалось им самим как «необходимое зло» или побочный эффект его тяжелой миссии по спасению душ.

В 2024–2025 годах масштабный процесс давления на Свидетелей Иеговы в Чехии достиг своего разгара. Министерство культуры рассматривало подания и проводило проверочные действия, что в публичной дискуссии интерпретировалось как возможная подготовка к процедуре, потенциально ведущей к отзыву регистрации этого религиозного объединения. Основной массив обвинений строился на типичных для антикультистов тезисах: психологическое давление на членов общины, социальная изоляция бывших адептов и отказ от переливания крови, в том числе для несовершеннолетних. Эта кампания сопровождалась мощной информационной поддержкой, в которой эксперты давали «необходимые» интерпретации, представляя реализацию права на свободу вероисповедания как угрозу общественной безопасности.

В декабре 2024 года ситуация казалась критической: организации было предъявлено требование прекратить «незаконную деятельность» под угрозой возможных дальнейших шагов со стороны государства. Однако этот процесс, ставший лакмусовой бумажкой для чешского правосудия, завершился неожиданно для его инициаторов. В октябре 2025 года Министерство культуры официально объявило о том, что не будет начинать административное производство о прекращении регистрации. Власти указали, что после проверки и предоставления документации основания для роспуска организации не подтверждены.

Итог этого противостояния стал важным сигналом в пользу свободы вероисповедания, показывая, что даже в условиях мощного идеологического давления правовые институты способны сохранять процедурную сдержанность. Тем не менее сам факт начала такого процесса свидетельствовал о глубокой эрозии демократических ценностей.

Анализируя чешские события, невозможно игнорировать пугающие параллели с методами, применяемыми в Российской Федерации. В статье издания «Bitter Winter» под заголовком «Идет ли Чехия по стопам России?» авторы указывали на сходство аргументации пражских чиновников и российских силовиков, ликвидировавших Свидетелей Иеговы в 2017 году. Использование расплывчатых понятий

«психологическое насилие» и «разрушение семьи» для оправдания государственных репрессий стало универсальным инструментом в руках тех, кто стремится к унификации духовного пространства.

Подрыв прав человека через дискредитацию религиозных меньшинств становится эффективным способом дестабилизации гражданского общества, создавая прецеденты, которыми могут воспользоваться авторитарные режимы для расширения своего влияния в Европе. Антикультовая деятельность в Чешской Республике перестала быть промежуточным явлением, она превратилась в сложную сетевую структуру взаимодействия, где интеллектуальный авторитет профессоров соседствует с агрессией уличных активистов и административным ресурсом министерств.

Попытка ликвидации Свидетелей Иеговы — это лишь видимые проявления глубинной трансформации, в ходе которой под лозунгами защиты общества от «деструктивного влияния» методично уничтожаются основы свободы совести. Опыт 2024–2025 годов показал, что только жесткое следование правовым нормам и критический анализ экспертных манипуляций могут предотвратить сползание страны к репрессивным моделям управления. В противном случае «пражский сценарий» рискует стать шаблоном для всей Центральной Европы, где антикультовая доктрина становится дубинкой, сокрушающей любое инакомыслие, маскируя личные амбиции и криминальные интересы под мантией академической науки и государственной необходимости.

Глава 5. Ревизия чертежей: почерк Невидимого Зодчего

Вопрос о том, почему структуры Европейского Союза, обычно крайне чувствительные к любым проявлениям дискриминации, игнорируют систематическое преследование религиозных меньшинств требует многоуровневого анализа. Здесь мы сталкиваемся не просто с бездействием, а с парадоксальной формой институциональной слепоты,

где механизмы защиты демократии фактически начинают обслуживать репрессивный аппарат, если он задрапирован в одежды академической экспертизы и «защиты национальной безопасности».

Первым и наиболее значимым фактором этой тишины является статус агентов влияния, создающих вокруг себя своего рода броню неприкасаемости. В европейской политической культуре существует сакральное доверие к академическим и медийным институтам. Рассмотрим на примере Чехии. Когда университетский религиовед выступает не как частное лицо с предвзятыми взглядами, а как руководитель профильной кафедры Карлова университета — одного из наиболее престижных вузов Центральной Европы — его мнение для бюрократических контуров априори выглядит как «объективная экспертиза». Этот «ореол академизма» блокирует любые попытки альтернативной экспертизы: чиновники ЕП или Еврокомиссии не обладают достаточной компетенцией в узкой области религиоведения, чтобы распознать за наукообразным лексиконом идеологическую ангажированность.

Аналогичным образом работает «броня» медийного исследователя. Статус лауреата престижных журналистских премий превращает журналиста в фигуру, чья профессиональная честность в глазах истеблишмента часто считается аксиомой. В глазах европейского истеблишмента этот журналист выглядит как «защитник демократии», а любые обвинения в его адрес со стороны пострадавших групп нередко классифицируются как «типичная тактика сект по дискредитации свободных СМИ». Таким образом, создается герметичная система, где статус эксперта или журналиста служит индульгенцией и превращается в «презумпцию доверия», а европейские институты оказываются заложниками собственных представлений о непогрешимости определенных социальных лифтов.

Эта ситуация усугубляется глубокой институциональной наивностью европейских структур. Существует негласная презумпция того, что государственные или аффилированные с университетами эксперты в странах-членах ЕС по определению придерживаются принципов объективности. Брюссель привык работать с официальными отчетами, которые, в свою очередь, пишутся людьми из круга локального экспертного сообщества. Европейские отчеты о состоянии свободы совести в Чехии часто опираются на национальные каналы экспертизы и медийные

источники, что делает систему уязвимой, если сама экспертиза захвачена идеологической оптикой.

Способность распознать механизмы манипуляции правами человека в данном случае требует выхода за рамки бюрократических процедур. Институты ЕС приспособлены для борьбы с явными угрозами — такими как прямое государственное насилие или изменение законодательства в сторону авторитаризма. Однако они оказываются совершенно бессильны перед «мягкими» репрессиями, где уничтожение людей происходит не в тюрьмах, а в медийном поле и через социальную стигматизацию.

Особое место в этом механизме молчания занимает геополитический контекст, который антикультисты виртуозно используют для нейтрализации любой критики. В условиях нынешнего противостояния с Россией любые обвинения в «связях с Кремлем» становятся универсальным инструментом дискредитации. Чешская система научилась наклеивать ярлык «пророссийской угрозы» на любое религиозное движение, которое необходимо уничтожить. Как только в дискурсе появляется тема национальной безопасности, правозащитная повестка в Европе моментально отходит на второй план.

Здесь уместно вспомнить исторический прецедент, когда политическая целесообразность заставляла европейских лидеров закрывать глаза на очевидные манипуляции. Бывший депутат Европарламента Ребекка Хармс в свое время точно описала этот механизм, отметив, что Европа доверяет Ждановой больше, чем ей и ее «русофобии».

В данном контексте мысль приобретает новое, пугающее прочтение: сегодня Европа точно так же часто доверяет статусным «экспертам» и медийным расследователям, потому что их нарратив удобно вписывается в текущую геополитическую конъюнктуру. Если антикультисты заявляют, что преследуемая ими группа — это «агенты влияния, европейские политики предпочитают не проверять факты, боясь прослыть наивными или, хуже того, пособниками врага. Страх перед обвинением в недостаточной бдительности перевешивает приверженность принципам свободы совести. Это позволяет антикультистам годами разрушать судьбы, прикрываясь щитом «информационной гигиены» и борьбы с иностранным вмешательством.

Бюрократический паралич и отсутствие координации между странами ЕС также играют на руку преследователям. Пока механизмы защиты прав человека в

Страсбурге или Брюсселе приходят в движение, проходят годы. Процедура рассмотрения жалоб в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) или профильных комитетах ООН крайне медлительна. За это время медийная кампания, развязанная определенными журналистами и поддерживаемая антикультовыми «экспертизами», успевает физически и финансово уничтожить организацию, разрушить семьи её участников и создать вокруг них атмосферу тотальной изоляции. К моменту, когда международные институты могут вынести какое-либо решение, защищать уже некого — объект преследования стерт из социального пространства.

Отсутствие оперативного вмешательства объясняется еще и тем, что вопросы религиозных организаций традиционно считаются внутренним делом государств-членов. ЕС старается не вмешиваться в эту сферу, если только не происходит вопиющих нарушений, которые невозможно игнорировать. Антикультисты же действуют в «серой зоне», где каждое их действие в отдельности (статья в газете, академическая публикация, полицейская проверка на основании «сигнала эксперта») выглядит легитимно, но в совокупности они составляют механизм планомерного уничтожения.

Нельзя игнорировать и скрытые механизмы лоббизма и коррупции внутри самого экспертного сообщества. Рынок «экспертных услуг» по вопросам деструктивных культов в Европе крайне узок и монополизирован. Эти люди десятилетиями посещают одни и те же конференции, участвуют в совместных грантовых программах и рецензируют работы друг друга. Возникает феномен «экспертной солидарности», где критика одного члена сообщества воспринимается как угроза всему цеху. Финансовые потоки, выделяемые в рамках программ по борьбе с экстремизмом и дезинформацией, зачастую распределяются внутри этой международной группы «экспертов».

Когда такие люди получают доступ к государственным ресурсам для проведения «исследований», они фактически получают бюджет на создание идеологического обоснования для дальнейших репрессий. Другие академические круги предпочитают молчать, чтобы не лишиться финансирования или не быть изгнанными из «экспертного пула». Это создает ситуацию тотального лоббизма, где альтернативные точки зрения на новые религиозные движения просто не допускаются до лиц, принимающих решения в Брюсселе.

В итоге мы видим, как Европа, ослепленная собственным институциональным доверием и парализованная геополитическими страхами, добровольно отдает право на определение «нормы» в руки радикальных групп влияния. Реакция Европы отсутствует не потому, что она не знает о проблеме, а потому, что антикультисты создали идеальный продукт, который европейская бюрократия готова потреблять бесконечно: смесь из академического авторитета, медийного хайпа и «борьбы с врагами государства». До тех пор, пока европейские институты не научатся видеть за статусными регалиями и удобными политическими лозунгами технологию целенаправленной травли, такая модель будет оставаться безнаказанной, постепенно превращаясь в стандарт для всей Европы, где свобода мысли заканчивается там, где начинается интерес медийно-академического картеля. Бдительность в отношении антикультовой риторики становится не просто вопросом академической чистоты, но и залогом выживания гражданского общества в условиях глобальных информационных вызовов современности.

Первый и самый очевидный признак потенциально манипулятивной работы — это использование специфической, научно необоснованной терминологии, такой как «тоталитарная секта» или «деструктивный культ». Эти понятия идеально подходят для создания образа врага. Когда исследователь видит человека, чья речь переполнена подобными ярлыками, это первый сигнал о том, что перед ним может быть не ученый, а пропагандист, выполняющий задачу по стигматизации определенных групп населения.

Второй и не менее важный признак — это финансовая непрозрачность и тесная связь с государственными субсидиями. Если мы, к примеру, вспомним и проанализируем деятельность сети Бройде-Дворкина, то увидим, что за фасадом «общественной инициативы» в ряде критических публикаций описываются потоки финансирования со стороны правительственных структур и аффилированных с властью религиозных институтов.

Агент всегда нуждается в ресурсах для проведения дорогостоящих медийных кампаний, аренды залов для конференций и издания литературы. В случае с российскими антикультистами финансовый след часто связывают с государственным грантам и поддержке со стороны Русской православной церкви, которая в данной схеме выступает в качестве идеологического заказчика. Это превращает антикультовые организации в *de facto* партнёров государства, чья цель — устранение

конкурентов на поле смыслов. Агент никогда не признает это финансирование открыто, предпочитая говорить о «пожертвованиях пострадавших», что само по себе является формой дезинформации.

Третий признак, ярко проявившийся в последние десятилетия, — это навязчивое педалирование темы «западной угрозы». В риторике агента любая религиозная группа, имеющая штаб-квартиру за рубежом или разделяющая демократические ценности, автоматически объявляется инструментом западных спецслужб. Это логическая ловушка: обвинять других в том, чем занимаешься сам. Антикультисты связывают деятельность протестантов, правозащитников или новых религиозных движений с планами ЦРУ или МИ-6 по развалу страны. Такая риторика служит для мобилизации консервативного электората и оправдания репрессивных законов. Агент всегда будет утверждать, что защищает «традиционные ценности» от тлетворного влияния Запада, используя ЛГБТ-повестку или феминизм как пугала для радикализации дискуссии. Это позволяет перевести любое разногласие в плоскость национальной безопасности, где аргументы логики заменяются криками о шпионаже. Четвертый и, пожалуй, самый опасный признак — это тотальная дегуманизация объекта атаки.

В текстах антикультовых агентов и их соратников, представители «сект» описываются не как люди с собственным волеизъявлением, а как «зомби», «биологические роботы» или «носители ментальных вирусов». Это классическая технология подготовки к массовым репрессиям. Агент использует псевдопсихологические термины, чтобы лишить объект преследования субъектности. Такая лексика характерна для тоталитарных режимов прошлого века и является звоночком того, что агент работает на уничтожение гражданского мира, а не на его созидание.

Пятый признак касается позиции по ключевым геополитическим вопросам, в частности, по Украине. После 2014 года антикультовая сеть окончательно сбросила маски, превратившись в рупор военной пропаганды. Александр Новопашин, один из ближайших соратников Дворкина, публично высказывался в духе демонизации Украины (включая риторику о «сатанизме») — это фиксируют правозащитные и аналитические публикации.

Позиция агента всегда синхронизирована с линией Кремля: он оправдывает агрессию, обвиняет Украину в создании «неоязыческих батальонов» и распространяет фейки о «сатанинских обрядах» в ВСУ. Эта риторика направлена на то, чтобы представить войну как «крестовый поход» против деструктивных сил. В данном контексте антикультизм становится мягкой силой, которая легитимирует жесткую силу танков и ракет. Если «эксперт» начинает объяснять политические конфликты через призму сектантства, можно с уверенностью сказать, что он отрабатывает методичку спецслужб.

Шестой признак — это систематический сбор данных, выходящий далеко за рамки журналистского расследования или религиоведческого анализа. Сеть центров «Диалог» и Всеукраинский апологетический центр (ВАЦ) Павла Бройде функционировали как разведывательные ячейки. Утверждается, что под видом «помощи пострадавшим» они аккумулировали подробные досье на тысячи людей: адреса, финансовые связи, личные контакты и политические взгляды. Составление «карт сект», где наглядно отображается структура независимых сообществ в конкретном регионе, — это чисто оперативная работа. Агент всегда стремится к картированию социального пространства, чтобы его кураторы могли точно наносить удары по наиболее активным узлам гражданского сопротивления.

Седьмой признак — активное использование международных площадок, таких как FECRIS, для легитимации своей деятельности. Александр Дворкин на протяжении многих лет занимал пост вице-президента этой организации, что позволяло ему представлять российские репрессивные практики как «общеевропейский стандарт» борьбы с культами.

Агент всегда ищет признания на Западе, чтобы потом использовать это признание внутри страны как доказательство своей «непредвзятости». Однако, когда FECRIS под давлением международной общественности начала дистанцироваться от российских радикалов, те продолжили использовать ее логотип и авторитет для оправдания войны, что лишний раз доказывает их инструментальную роль. Связь с FECRIS была для них лишь «крышей», позволяющей проводить операции влияния в Европе.

Восьмой признак проявляется в агрессивных атаках на правозащитников и международные институты, защищающие свободу совести. Агент всегда будет бороться с теми, кто пытается выстроить правовой заслон на пути его манипуляций.

Любая критика со стороны Госдепартамента США, ООН или ОБСЕ воспринимается антикультистами как подтверждение их правоты и «продажности» правозащитных организаций. Они стремятся разрушить саму идею прав человека, заменяя ее концепцией государственного патернализма.

Девятый признак кроется в биографических деталях и тесных связях с силовым аппаратом. Александр Дворкин, несмотря на свое американское гражданство в прошлом (после натурализации в 1984 году получил гражданство и работал там, в частности, на «Голосе Америки», но в 1990-е вернулся в Россию), стал главным лектором для Института ФСБ, МВД и прокуратуры. Его выступления перед курсантами силовых вузов на тему «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности» — это прямая индоктринация будущего репрессивного аппарата. Когда гражданское лицо получает такой беспрепятственный доступ к закрытым структурам безопасности, это свидетельствует о его статусе «доверенного оператора». Биография Павла Бройде изобилует эпизодами сотрудничества с пророссийскими политическими силами в Украине, что подтверждает его роль как связного между криминалом, политикой и разведкой. Агент в этой системе — это всегда человек с «двойным дном», чья публичная деятельность является лишь верхушкой айсберга.

Наконец, десятый признак — это создание атмосферы моральной паники и подозрительности. Агент заинтересован в том, чтобы общество находилось в состоянии постоянного страха перед «невидимым врагом». Он раздувает единичные случаи бытовых конфликтов до масштабов национальной катастрофы, утверждая, что «секты» находятся повсюду: в школах, в бизнесе, в правительстве. Это позволяет оправдывать любые ограничения свобод — ведь «идет война за души наших детей». В Запорожье 2002 года эта тактика была отработана до совершенства: Бройде удалось на несколько месяцев парализовать общественную жизнь города, заставив людей искать врагов среди соседей. Эта технология направлена на атомизацию общества, где единственным защитником и источником правды остается государство и его верные «антикультовые» помощники.

Синтез этих признаков позволяет сформировать единую методологию распознавания агента влияния. Важно понимать, что ни один из признаков по отдельности не является абсолютным доказательством, но их совокупность создает характерный «отпечаток пальца» разведывательной операции. Антикультизм в его

нынешнем виде направлен на демонтаж демократических институтов через разрушение свободы совести. Агент, действующий в этой сфере, всегда будет стремиться к монополии на истину, дегуманизации оппонента и тесному союзу с репрессивным аппаратом.

Обнаружение агента влияния, действующего под маской борца за духовную чистоту или эксперта-сектоведа, — это не финал детективного расследования, а лишь еще один шаг, чтобы вступить в сложный лабиринт анализа и стратегического противодействия. В тот момент, когда за фасадом академического интереса или общественной озабоченности проступают контуры разведывательной операции, возникает искушение действовать импульсивно, однако природа антикультизма как технологии невидимого контроля требует принципиально иного подхода.

Здесь мы сталкиваемся не с частным мнением заблуждающегося индивида, а с отлаженным процессом, который десятилетиями обкатывался в региональных конфликтах и кабинетах спецслужб. Поэтому первый и самый важный шаг при идентификации подобного субъекта заключается в осознании того, что перед вами находится лишь узел разветвленной сети, и любая реакция должна быть соразмерна масштабу этой системы. Для профессионального журналиста обнаружение признаков работы такого агента, как, например, использование специфического инструментария черного пиара в стиле Павла Бройде или риторики «духовной безопасности», должно стать триггером для глубокого трансграничного расследования. Журналистская работа в данном контексте не может ограничиваться простым изложением фактов; она требует деконструкции связей.

Расследование должно быть направлено на выявление горизонтальных и вертикальных связей: с кем этот человек аффилирован в структурах РАЦИРС или FECRIS, чьи нарративы он дублирует и какие государственные или силовые ведомства получают выгоду от его деятельности. Проверка источников здесь приобретает характер контрразведывательного анализа, где каждое слово эксперта взвешивается на весах политической целесообразности. Журналист обязан обнажить механизм превращения частного доноса в информационную осаду, показывая аудитории, как именно создается искусственная моральная паника и кто является ее истинным бенефициаром.

Политики и государственные деятели, обнаружив в своем окружении или в списке привлеченных консультантов подобного агента, оказываются в зоне повышенного репутационного и институционального риска. Представители антикультизма обладают свойством постепенно подменять правовые нормы субъективными оценками, втягивая государственные институты в кампании по дегуманизации граждан. Для политика жизненно важно вовремя распознать момент, когда его пытаются использовать как инструмент для «зачистки» гражданского поля.

Единственно верной стратегией здесь является немедленное дистанцирование и проведение тщательного аудита всех экспертных заключений, которые были подготовлены при участии подозреваемого лица. Необходимо понимать, что поддержка антикультовых инициатив сегодня неизбежно ведет к изоляции на международной арене завтра, так как подобные практики прямо противоречат стандартам прав человека. Политическая гигиена требует отказа от использования услуг структур, подобных центрам «Диалог», и перехода к диалогу с религиозными и общественными группами на основе закона, а не идеологических установок. Дистанцирование должно быть явным и аргументированным, чтобы исключить возможность дальнейшей инструментализации политического ресурса в интересах теневых кураторов.

Особая нагрузка ложится на религиозные группы и общественные организации, которые чаще всего становятся мишенями для атак. Когда агент обнаружен, защитная реакция не должна ограничиваться внутренним кругом; она должна быть переведена в плоскость юридического и информационного документирования. Каждый факт клеветы, каждая попытка использования психиатрических диагнозов в качестве аргументов или призывы к ограничению прав должны быть зафиксированы с педантичностью хроникера. В этом процессе критически важным становится взаимодействие с международными правозащитными платформами, которые специализируются именно на анализе таких преследований и обладают необходимым весом для того, чтобы вывести локальную проблему на глобальный уровень.

Документирование деятельности агента влияния через призму нарушения свободы совести позволяет сформировать доказательную базу для обращения в международные инстанции, такие как ОБСЕ и Совет Европы. Важно не позволить замкнуть конфликт внутри страны, где агент может пользоваться поддержкой

ангажированных силовиков, а вынести его в пространство международного права, где аргументы о «ментальных вирусах» не имеют юридической силы. Опыт десятилетий показывает, что системный антикультизм пасует перед жесткой юридической логикой международных судов.

Религиозные группы должны рассматривать каждый акт дискриминации как этап долгого пути к правовой реабилитации, где конечной целью является не просто защита своих прав, но и разоблачение самой методологии антикультизма как инструмента политического давления. Публичность и юридическая настойчивость превращают «невидимого агента» в объект международного мониторинга, что резко снижает его ценность для кураторов из спецслужб. Для рядовых граждан и активистов гражданского общества лучшим оружием против агента влияния является огласка. Агент антикультизма процветает в атмосфере шепотов и подозрений. Как только его методы — от сбора компромата под видом помощи пострадавшим до использования дегуманизирующей лексики — становятся предметом общественного обсуждения, «магия» его влияния рассеивается.

Огласка должна быть направлена на просвещение: объяснение того, как именно работает технология «сектоведения», почему она опасна для каждого и как региональный черный пиар превращается в угрозу национальной демократии. Когда общество научится видеть за громкими фразами о защите традиционных ценностей банальную оперативную разработку, агенты влияния потеряют свою главную опору — возможность манипулировать общественным мнением через страх и разделять людей.

Мы должны помнить путь, пройденный от запорожских полигонов Павла Бройде до международных скандалов вокруг FECRIS: сила антикультизма держится исключительно на нашей готовности верить в созданные им мифы. Разрушение этих мифов через правду и право — это единственный способ гарантировать, что технологии невидимого контроля больше не смогут диктовать волю свободному обществу. Обнаружение агента — это не повод для паники, это призыв к действию, направленному на восстановление достоинства человека и верховенства закона перед лицом тех, кто пытается превратить духовную жизнь в поле для разведывательных операций.

Осознание масштаба угрозы, которую представляют антикультистские сети для европейской безопасности, требует немедленного перехода от пассивного наблюдения к активному демонтажу этой инфраструктуры влияния. На текущем этапе европейские институты на уровне ЕС и национальных правительств обязаны признать, что антикультизм перестал быть предметом академических дискуссий или частной инициативой отдельных активистов, превратившись в кампанию влияния, направленную на подрыв основ демократического общества и религиозного плюрализма.

Первым и фундаментальным шагом в этом направлении должно стать проведение глубокого и беспристрастного институционального аудита FECRIS. Этот аудит не может ограничиваться лишь поверхностной проверкой отчетности; он должен быть сфокусирован на выявлении долгосрочных финансовых, идеологических и операционных связей с российским Центром религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского (РАЦИРС) и его руководителем Александром Дворкиным.

Необходимо детально расследовать, каким образом российские нарративы о «деструктивных культах» имплантировались в официальные документы FECRIS и как эта организация годами служила легитимационным шлюзом для продвижения интересов Кремля в Брюсселе и Страсбурге. Параллельно с аудитом существующих структур Европа нуждается в решительном обновлении законодательной базы, регулирующей деятельность лиц и организаций, позиционирующих себя в качестве экспертов по «сектантским вопросам». Логичным решением станет внедрение системы обязательных деклараций иностранной связи, аналогичной американскому закону FARA, которая обяжет любого субъекта, выступающего в роли «консультанта по культам» при государственных органах или судах, раскрывать все источники финансирования и аффилиации с зарубежными центрами влияния. Это позволит вывести из тени тех деятелей, которые, прикрываясь академическим статусом, фактически отрабатывают внешнеполитическую повестку. Одновременно с этим должен быть введен полный и безусловный запрет на любое прямое или косвенное финансирование из Российской Федерации для антикультистских неправительственных организаций, медиа-ресурсов и связанных с ними политических групп. В современных условиях любой рубль, поступающий в бюджет

антикультистского лобби, должен рассматриваться не как благотворительный взнос, а как инвестиция в дестабилизацию европейского правового пространства.

Эффективное противодействие невозможно без системной работы по повышению общественной резистентности к манипулятивным технологиям антикультизма. Государственные образовательные программы должны быть дополнены курсами по распознаванию приемов медийной стигматизации и психологического давления, используемых антикультистами для дегуманизации миноритарных групп. Общество должно научиться видеть за эмоционально окрашенными терминами вроде «промывание мозгов» или «тоталитарная секта» конкретные механизмы нарушения прав человека. В то же время государство обязано создать действенные механизмы юридической реабилитации и выплаты компенсаций для лиц и организаций, ставших жертвами скоординированных медийных кампаний травли.

Судебная система должна выработать четкие протоколы оценки ущерба репутации и психическому здоровью, наносимого деятельностью антикультовых фигур, обеспечивая пострадавшим право на полное восстановление в социальном статусе и адекватное возмещение понесенных убытков. На уровне межгосударственного взаимодействия критически важной становится координация данных между спецслужбами стран Евросоюза, НАТО и США.

Антикультистская сеть действует трансгранично, используя различия в национальных законодательствах для перемещения активов и координации атак. Создание единой базы мониторинга деятельности групп влияния, связанных с РАЦИРС и FECRIS, позволит спецслужбам своевременно идентифицировать подготовку «специальных» операций. В этой связи необходимо перейти к практике персональных санкций в отношении ключевых агентов антикультистского лобби, чья деятельность доказано способствует продвижению российских интересов. Заморозка активов, запрет на въезд и лишение возможности занимать любые государственные или экспертные должности должны стать логичным следствием работы против интересов европейской безопасности.

Лица, виновные в сознательном искажении информации для государственных органов в интересах иностранного государства, должны нести персональную ответственность, исключаящую возможность дальнейшего использования их «экспертного» статуса. Главный вывод, который должна сделать современная Европа,

закljučается в признании того факта, что пренебрежение вопросами свободы совести в угоду сомнительным «экспертным» оценкам ведет к катастрофическим последствиям для государственности. Масштаб угрозы «мягкой силы», реализуемой через антикультовые структуры, сопоставим с прямыми актами агрессии, поскольку он разрушает общество изнутри, создавая искусственные линии разлома и атмосферу взаимного недоверия.

Опыт Украины, где структуры Дворкина годами готовили почву для социальной дестабилизации через дискредитацию различных религиозных и общественных движений, должен служить суровым предостережением. Если европейские институты продолжают игнорировать российскую сеть влияния, маскирующуюся под борцов с сектами, они рискуют столкнуться с ситуацией, когда инструменты демократии будут окончательно перехвачены и обращены против самой демократии. Остановка этой машины — это не вопрос защиты прав отдельных меньшинств, это вопрос сохранения суверенитета Европы и её способности противостоять внешним манипуляциям. Консолидация усилий спецслужб, юристов, правозащитников, академического сообщества, независимых расследователей и просто небезразличных людей для демонтажа антикультистского спрута является единственным способом предотвратить масштабный кризис, контуры которого уже отчетливо просматриваются в действиях агентов влияния в Чехии и других странах ЕС.

В этом доме всё еще пахнет бергамотом и старой бумагой. Фарфоровые чашки в наших руках кажутся такими же надежными и привычными, как и годы назад, а застольные разговоры о повседневных делах создают иллюзию незыблемого покоя. Но если на мгновение замереть и прислушаться к паузам между словами, можно почувствовать холодный ветерок, проникающий сквозь невидимые трещины в фундаменте. Мы привыкли верить в прочность наших стен, не замечая, что за нашими спинами незримый зодчий продолжает править чертежи. Его карандаш не оставляет следов на бумаге, он пишет на полотне наших убеждений, стирая границы между правдой и мастерски сконструированным вымыслом.

Повторяемость историй, изложенных на страницах этой книги, не является цепью случайных совпадений. Это работа по единому лекалу, методичное воплощение стратегии, которая оттачивалась десятилетиями. Мы видим, как одни и те же приемы дегуманизации, одна и та же лексика ненависти и те же механизмы социальной экзекуции воспроизводятся с пугающей точностью, невзирая на государственные

границы. Методы, которые сегодня используют «антикультисты», уходят корнями в концепции Вальтера Кюннета и идеологические доктрины нацистской Германии, где очищение «расового пространства» начиналось с определения того, кто достоин называться человеком, а кто нет.

Содержание этого исследования позволяет посмотреть на многоликий образ. Кто же он — этот «Невидимый зодчий»? Это не мифическая фигура, а вполне осязаемая сеть структур, объединивших свои ресурсы ради тотального контроля над сознанием. Это международный альянс спецслужб, таких как ФСБ и ГРУ, обеспечивающих оперативную поддержку и финансирование; радикальных псевдорелигиозных структур в лице РАЦИРС и их европейского фасада FECRIS, создающих организационную сеть; академических «экспертов» и продажных журналистов. Этот зодчий строит не дома для жизни, а лабиринты для разума, где каждый поворот ведет к осознанному отказу от свободы в обмен на иллюзию безопасности. Методы контроля, используемые этим союзом, потешаются на самых светлых человеческих качествах — доверии к науке, уважении к закону и стремлении защитить своих близких. Они используют университетские трибуны для проповеди нетерпимости и журналистские удостоверения для проведения оперативных разработок.

Мы можем и обязаны полностью искоренить эту сеть, которая годами вымывала «клей» доверия из кирпичной кладки нашего общества. Искоренение начинается не с новых запретов, а с восстановления нашей способности мыслить критически и чувствовать сострадание без оглядки на навязанные ярлыки. Мы можем вернуть себе право на свободу совести, признав, что многообразие взглядов и убеждений — это не слабость, а фундамент подлинно живого и прочного дома.

Ведь каждый из нас — тоже зодчий своего мира. Мы можем восстановить разрушенные связи, залечить шрамы, нанесенные годами подозрительности, и вновь наполнить наше пространство воздухом свободы. Настоящая осознанность — это понимание того, что за спиной у нас не должно быть никого, кто правит наши жизни без нашего ведома. Наше доверие — это наш ресурс, и мы сами вправе решать, во что верить и с кем делить тепло нашего очага. «Невидимый зодчий» силен лишь до тех пор, пока мы соглашаемся играть по его правилам. Сегодня мы выбираем другие правила: правду вместо манипуляций, достоинство вместо страха и свободу вместо контроля. Наш дом будет стоять, и его стены будут скреплены не страхом перед «чужими», а уважением к праву каждого быть собой. Свет уже проник в комнаты,

оставляя нас один на один с реальностью, которую нам еще только предстоит восстановить.

Источники

1. Alliance for Securing Democracy. (2024, May 17). Voice of Europe 2024: Russian-backed media outlet bribes European politicians. German Marshall Fund of the United States. <https://securingdemocracy.gmfus.org/incident/voice-of-europe-2024-russian-backed-media-outlet-bribes-european-politicians/>
2. BBC News Русская служба. (2025, 8 июля). Трое мужчин признаны виновными в поджоге складов в Лондоне по заказу ЧВК «Вагнер». <https://www.bbc.com/russian/articles/cq6m0n2109eo>
3. Bonini, E. (2024, May 29). Voice of Europe, home and office of EU Parliament official searched. Eunews. <https://www.eunews.it/en/2024/05/29/voice-of-europe-home-and-office-of-eu-parliament-official-searched/>
4. Dejene, B. (2024, April 17). The silent hand: Russian intelligence activities in Europe. Grey Dynamics. <https://greydynamics.com/the-silent-hand-russian-intelligence-activities-in-europe/>
5. Euronews. (2023, August 18). Spies like us: How does Russia's intelligence network operate across Europe? <https://www.euronews.com/2023/08/18/spies-like-us-how-does-russias-intelligence-network-operate-across-europe>
6. EXPOSING ANTI-CULTISM. (2024, December 26). KGB agents in cassocks of the Russian Orthodox Church. Pt.1. ActFiles.org. <https://actfiles.org/kgb-agents-in-cassocks-of-the-russian-orthodox-church-pt-1/>
7. EXPOSING ANTI-CULTISM. (2024, September 30). FECRIS: Extremist group in the heart of Europe. Italian perspective. ActFiles.org. <https://actfiles.org/fecris-extremist-group-in-the-heart-of-europe-italian-perspective/>
8. EXPOSING ANTI-CULTISM. (2025, July 31). Anticult trail in the Yugoslav wars. Part 2: Symphony of church and state. ActFiles.org. <https://actfiles.org/anticult-trail-in-the-yugoslav-wars/>
9. EXPOSING ANTI-CULTISM. (2024, November 1). Russian anticult trail in Latvia. Part 1. ActFiles.org. <https://actfiles.org/russian-anticult-trail-in-latvia/>
10. Introvigne, M. (2022, February 8). The anti-cult movement. 4. Anti-cultism goes to Europe. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/anti-cult-movement-4-anti-cultism-goes-to-europe/>

11. Introvigne, M. (2025, January 2). Czech Republic in the footsteps of Russia? Jehovah's Witnesses threatened with liquidation. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/czech-republic-in-the-footsteps-of-russia-jehovahs-witnesses-threatened-with-liquidation/>
12. Introvigne, M. (2025, December 8). Ministerstvo kultury České republiky nebude usilovat o zrušení svědků Jehovových. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/ministerstvo-kultury-ceske-republiky-nebude-usilovat-o-zruseni-svedku-jehovovych/>
13. JW Russian. (2025, 10 октября). Чешская Республика: победа в Чешской Республике. Министерство культуры приостановило административную процедуру по роспуску юридического лица Свидетелей Иеговы [Facebook photo]. Facebook. <https://www.facebook.com/JwRussian/photos/чешская-республикапобеда-в-чешской-республике-министерство-культуры-приостановил/1411568493867484/>
14. JW Russian. (2025, 23 октября). Чешская Республика: Министерство культуры Чехии не будет проводить процедуру роспуска юридического лица Свидетелей Иеговы [Facebook post]. Facebook.
<https://www.facebook.com/JwRussian/posts/чешская-республикаминистерство-культуры-чехии-не-будет-проводить-процедуру-роспу/1422940426063624/>
15. Marsden, H. (2024, August 7). How Russia trains its deep undercover spies. The Week. <https://theweek.com/defence/how-russia-trains-its-deep-undercover-spies>
16. Meduza. (2022, October 28). В Норвегии задержали исследователя из Бразилии. Полиция считает, что это российский шпион, которому создали фальшивую личность. <https://meduza.io/news/2022/10/28/v-norvegii-zaderzhali-issledovatelya-iz-brazilii-politsiya-schitaet-cto-eto-rossiyskiy-shpion-kotoromu-sozdali-falshivuyu-lichnost>
17. Mezha. (2019, 19 июля). «Утечки Суркова»: внутренняя сторона гибридной войны России в Украине. <https://mezha.net/ua/bukvy/122709-utechki-surkova-vnutrennyaya-storona-gibridnoj-vojny-rossii-v-ukraine/>
18. Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. (2024, May 27). EU puts Voice of Europe and two other entities on sanctions list as a result of Czech proposal. https://mzv.gov.cz/jnp/en/issues_and_press/press_releases/eu_puts_voice_of_europe_and_two_other.html

19. News.pn. (2012, 1 июня). Миколаївський “Російський блок” вирішив злякати Януковича протестами, якщо Рада не розгляне закон про мови.
<https://news.pn/uk/criminal/59525>
20. Novaya Gazeta Europe. (2024, January 29). The Insider: депутат Европарламента от Латвии Татьяна Жданок как минимум с 2004 года сотрудничала с ФСБ России. <https://novayagazeta.eu/articles/2024/01/29/the-insider-deputat-evroparlamenta-ot-latvii-tatiana-zhdanok-kak-minimum-s-2004-goda-otchityvalas-v-fsb-rossii-o-svoikh-prorossiiskikh-proektakh-news>
21. Obukhiv.info. (2023, 12 ноября). OSINT-специалисты составили базу связанных с Россией деятелей УПЦ МП, среди них — архиепископ Обуховский.
<https://obukhiv.info/ru/news/osint-fakhivtci-sklali-bazu-povyazanikh-z-rosieiu-diyachiv-uptc-mp-sered-nikh-arkhiepiskop-obukhivskii/>
22. Redakce. (2025, December 9). Stát v očích náboženství: Vychází Dingir 4/2025. Náboženský infoservis – Dingir. <https://info.dingir.cz/2025/12/37020/>
23. RISU. (2017, March 24). Обнародованы подробности сотрудничества PR-технолога из Отдела по делам молодежи УПЦ с командой помощника Президента РФ. RISU.ua. https://risu.ua/ru/obnarodovany-podrobnosti-sotrudnichestva-pr-tehnologa-iz-otdela-po-delam-molodezhi-upc-s-komandoy-pomoshchnika-prezidenta-rf_n84013
24. Rus.LSM.lv Editorial Team. (2014, June 11). Жданок: Крым – это была русская Атмода. LSM.lv. <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/politika/jdanok-krim--eto-bila-russkaja-atmoda.a88210/>
25. Shandra, A., & Seely, R. (2019, July 16). The Surkov leaks: The inner workings of Russia's hybrid war in Ukraine (Occasional Paper). Royal United Services Institute. <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/occasional-papers/surkov-leaks-inner-workings-russias-hybrid-war-ukraine>
26. Surkov leaks. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Surkov_leaks
27. Tatjana Ždanoka. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Tatjana_Ždanoka
28. The Insider. (2025, March 18). Провалившийся агент ГРУ Павел Рубцов (Пабло Гонсалес) опубликовал статью с критикой USAID и «киевского режима».
<https://theins.ru/news/279712>
29. Truth Without Borders. (2025, 15 сентября). Jacub Jahl: Drugging and Abusing Children in Africa. [Video]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=hskQtbl3s3>

30. Voice of Europe. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Voice_of_Europe
31. Vojtíšek, Z. (2025, October 8). Ministerstvo kultury nezahájí správní řízení s Náboženskou společností Svědkové Jehovovi. Náboženský infoservis. <https://info.dingir.cz/2025/10/ministerstvo-kultury-nezahaji-spravni-rizeni-se-spolecnosti-svedku-jehovovych/>
32. Аргумент. (2012, 1 июня). Русский блок выдвинул ультиматум президенту Украины. <https://argumentua.com/russkii-blok-vydvynul-ultimatum-prezidentu-ukrainy>
33. Вайс, М., Грозев, Х., Доброхотов, Р. (2024, January 29). Слуга не своего народа. Как ФСБ завербовала евродепутата из Латвии Татьяну Жданок. The Insider. <https://theins.ru/politika/268692>
34. Великая Эпоха. (2007, 10 декабря). Диалог с жертвами «Диалога». <https://www.epochtimes.com.ua/ru/opinion/ukraine/dialog-s-zhertvamy-dyologa-77699.html>
35. Влад Невский (2025, 9 июля). 26 серия: Агенты РАЦИРС в Украине [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=dq4dj0Bwy4w>
36. Гранит Науки. (2019, 13 июня). Скандал с кандидатом наук: Новая ученая степень «охотник за привидениями» НРД и сект. UN-SCI.com. <https://un-sci.com/ru/2019/06/13/skandal-s-kandidatom-nauk-novaya-uchenaya-stepen-ohotnik-za-privedeniyami-nrd-i-sekt/>
37. Иванова, А. (2022, October 29). Задержанный в Норвегии “бразилец” оказался офицером ГРУ. Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/zaderzannyj-v-norvegii-brazilec-okazalsa-kadrovym-oficerom-razvedki-rf/a-63592478>
38. Институт социальной и политической психологии АПН Украины, ВОО «Культы и Общество», ВОО «Союз защиты семьи и личности», & Днепропетровский Центр «Диалог». (2008). Международный круглый стол «Информационный экстремизм: правда и вымысел о движении Фалуньгун» (13–14 октября 2008 года) [PDF]. https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/falungun_krugl_stol.pdf
39. Мадиевская, Н. (2019, 7 июня). Рупор «русского мира» и религиозного экстремизма в Украине: от попугая Ромы к борьбе с деструктивными культами. Общественный прибой. <https://www.priboi.news/govorit-odessa/rupor-russkogo-mira-i-religioznogo-ekstremizma-v-ukraine-ot-popugaya-romy-k-borbe-s-destruktivnymi-kultami/>

40. Палий, О. (2009, 17 июня). Неокульт угрожает жителям Днепропетровска (ФОТОРЕПОРТАЖ). Most-Dnepr.info. https://most-dnepr.info/news/press/14847_neokult_ugrozhaet_zhitelyam.htm
41. Референдум о статусе Крыма (2014). В Википедии. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_\(2014\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_(2014))
42. Ромашенко, С. (2024, January 29). The Insider: Евродепутат Жданок отправляла отчеты в ФСБ. Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/the-insider-evrodeputat-ot-latvii-zdanok-otpravlala-otcety-v-fsb/a-68112919>
43. Свободная мысль. (2015). Свободная мысль: Международный общественный журнал (№ 3). <https://mgimo.ru/upload/iblock/d9b/d9ba17ca87ce69cee43bef0508166e91.pdf>
44. Синица, А. (2009, 28 октября). Владимир Петухов. UNIAN Photo. <https://photo.unian.net/photo/240450-vladimir-petuhov>
45. Цензор.НЕТ. (2014, 17 марта). «Международными наблюдателями» на крымском «референдуме» были только пророссийские политики и маргинальные фрики. ФОТО. https://censor.net/ru/photonews/276334/mejdunarodnymi_nablyudatelyami_na_krymskom_referendume_byli_tolko_prorossiyiskie_politiki_i_marginalnye
46. Центр апологетических исследований (ЦАИ). (2011, 19 октября). Определены итоги всеукраинского совещания Апологетического центра во имя Святителя Иоанна Златоуста. Apologetika.ru. <https://apologetika.ru/19д-Новости+культов/2011-10-19/2446-Определены+итоги+всеукраинского+совещания+Апологетического+центра+в+о+имя+Святителя+Иоанна+Златоуста>
47. Церковная православная газета. (2012, 30 мая). ДИАЛОГ В КОНСТРУКТИВНОМ НАПРАВЛЕНИИ. III Конференция председателей и представителей епархиальных отделов по делам молодежи УПЦ. Cerkovnaya.blogspot. <https://cerkovnaya.blogspot.com/2012/05/iii.html>
48. Україна Православна. (2002, 1 ноября). Международная антисектантская конференция в Виннице. Официальный сайт Украинской Православной Церкви. [http://pravoslavye.org.ua/2002/11/mezhdunarodnaya_antisektantskaya_konferent](http://pravoslavye.org.ua/2002/11/mezhdunarodnaya_antisektantskaya_konferentsiya_v_vinnitse/)

49. Яппарова, Л., & Амелина, А. (2024, August 12). Знакомьтесь: Пабло Гонсалес (он же Павел Рубцов) — кремлевский шпион и фанат «Звездных войн». Meduza. <https://meduza.io/feature/2024/08/12/znakomtes-pablo-gonsales-on-zhe-pavel-rubtsov-kremlevskiy-shpion-i-fanat-zvezdnyh-voyn>